

18+

Deni Vrai

ТРОЕ В ШТАТСКОМ

Книга первая

Книга вторая

Deni Vrai

Трое в штатском

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Vrai D.

Трое в штатском / D. Vrai — «ЛитРес: Самиздат», 2005

ISBN 978-5-532-11938-3

Три подруги решили заняться бизнесом. Подвернулся удачный вариант управления крематорием. Не все из них радостно восприняли именно это направление коммерческой деятельности, но, как говорится — «дареному коню в зубы не смотрят». Не успели три новоиспеченные бизнесвумен взяться за дело, как им доставили первого «клиента»... Следом явились представители правоохранительных органов... и теперь подругам надо не только разобраться в тонкостях бизнеса, а заодно и во всех особенностях криминального мира.

ISBN 978-5-532-11938-3

© Vrai D., 2005
© ЛитРес: Самиздат, 2005

Содержание

Книга первая	5
Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Книга первая

Предисловие

На пункт дежурному по городу поступил звонок. Сообщалось, что похищен человек. Информация поступила в главное управление Московского уголовного розыска.

Из формальной, непроверенной информации, какой поступает море, превратилась в требующий немедленных действий сигнал, когда прошел еще один звонок. Звонивший сообщил, что видел, как несколько мужчин тащили тело в подвал подмосковного крематория.

Очень скоро мне пришлось стать прямой участницей невероятных событий. А ведь по началу этот день ни чем не отличался от других.

Глава 1

Чудовищно жаркое лето навалилось на шипящий, мурлыкающий миллионами автомобильных двигателей, грохочущий каблуками, ботинками, чмокающий шлепанцами, с тяжелым душком выхлопного марева город. Открытое настежь окно не помогало совершенно. Из него тянуло то бензином, то гарью, а то вдруг обдавало неясно откуда взявшейся сыростью и тиной. Единственное чего не дарил воздух, это прохлады. Ни капли свежего кислорода за весь день, ни единого полноценного вдоха, ни секунды жизни. И пусть после всего этого технического ужаса кто-нибудь скажет мне, что человечество не склонно к суициду. Склонно, еще как склонно, но оно не просто хочет разорвать связь с этим миром, оно старательно мучает себя напоследок, душит, выкручивает суставы, само над собой смеется и плачет одновременно.

И вот сейчас я, достойная представительница катящегося в ад мира, сижу за рабочим столом, тупо пялюсь на круглые, кофейного цвета часы над дверью, тру сухие как наждак ладони и чувствую, как у меня от жары кожа отклеивается от костей. Я больше не человек. Я загипнотизированный робот. Если бы можно было загипнотизировать робота, то из соответствующей лаборатории выползла бы высушенная, прозрачная сомнамбула Василиса Васильевна Ермолаева, совершенно не способная к потовыделению, в силу чего при любой температуре свыше двадцати пяти градусов превращающаяся во всенародно известную и любимую закуску к пиву, типа – вобла.

Секундная стрелка мучила циферблат своей ленью. Походкой, приговоренного к смерти через соковыжималку, она конвульсивно брела по кругу, навевая тоску и уныние. И ведь это она, эта тонкая неповоротливая гадость бросила вызов вечности. Нахалка.

Еще целых десять минут. Настоящая пытка. Если стрелка сейчас остановится, сердце тоже встанет. Одно спасение – не смотреть. Кое-как удалось повернуть пересохшую шею. Взгляд стеклянных глаз упал в угол напротив, обжегся о выгоревшие, полуотслоившиеся обои и сполз на рабочий стол, одиноко покосившийся в углу под много килограммовым сооружением из пыльных папок, старых чертежей, булавок, скрепок и прочей осиротевшей канцелярии.

Совсем недавно отдел понес очередную утрату в лице старенького, желтого человека просидевшего здесь несколько десятилетий. Его выкинули как старую скрепку, на заслуженную позорную пенсию. Он сопротивлялся и даже плакал. Во всяком случае, мне кажется, я его как-то на этом почти поймала. Был бы он помоложе, сил бы хватило сохранить любимую работу, но пенсия как маньяк в подворотне ловит самых слабых и беззащитных. Забавно, я была его начальником (хоть и формально, просто в силу образования), но даже не знаю его полного имени. Только так – Виктор и все. Хороший, добрый, очень мягкий, безотказный человек, всегда готовый прийти на помощь, чем в свое время, я, да и не только я, частенько пользовалась. Он был маленький, цвета желтых, посеревших от времени обоев за его спиной с круглой, смешной головой из которой торчало три седых волоска. Никогда не раздражал, и вообще был незаметным, но всегда готовым прийти на помощь, когда нужно упорхнуть по своим делам или разобраться в сложной ситуации рабочего порядка, тут Виктор всегда тут как тут и на него можно положиться, он не подведет, тут он вдруг твердый как скала. И вот его нет. И что-то до щемящей боли в груди ушло из кабинета, что-то очень важное, уютное, что-то человеческое что ли. Все-таки брежневские времена дали производству и соответствующим отношениям своеобразную атмосферу семейственности в лицах вот таких Викторов. И это очень чувствуется, когда они вдруг исчезают. Вдруг из легкой беззаботной игры работа превратилась в холодное, бездушное ремесло. И что самое отвратительное, эта высушенная коробка кабинета, вдруг превратившаяся в хрупкий деревянный спичечный коробок, мне нравится. Внезапно стало понятно, что помимо выполнения обязанностей, человек должен еще и получать за это выполнение деньги. Если с Виктором мы играли в надувание начальства, а начальство

в свою очередь надувало нас, то сейчас я прихожу сюда только за деньгами. Мир рушится и обваливается в Тартар серо-желтыми осколками. Все давно заволкло пылью человеческого равнодушия.

Стрелки на часах выстроились в прямую линию. Теперь все жестко. Шесть часов, конец работы, начальник сказал зайти в конце, значит ровно в шесть. Вчера мы выполнили частный заказ, и я лично очень рассчитываю, что с вознаграждением не будет заминок. Сегодня пятница, у меня на носу выходные, нет никакого желания встретить их с пустым кошельком. Казенного аванса уже нет, зарплата еще не скоро, а работу мою, во всяком случае, на уровне местного начальства приняли, иначе вызвали бы раньше условленного часа. И если я сейчас не получу хоть какой-то авансик за свою «халтуру», начальник получит достойный скандал. Он меня знает, лучше меня не злить, особенно в жару.

Я встала из-за стола, бумаги уже давно приведены в порядок (старые привычки собираться домой еще в рабочее время неискоренимы, как размер официальной зарплаты), взяла сумочку. Первый шаг осторожный, я жду, что сейчас прах моего изможденного тела осыплется к каблукам. Нет, туловище, как ни странно, осталось на месте. Последний раз смотрюсь в зеркало, прикрепленное к боковой стенке песочного цвета шкафа, поправляю волосы, хочется еще что-то осмотреть, проверить, но на большее нет сил, прозрачный труп в отражении не вызывает эйфории.

– А, Василиса Васильевна, – вечно яркая и звонко суетливая женщина все из тех же раритетно нафталиновых времен когда секретари не соблазняли своих начальников, а были им безоговорочно преданы, через таких прорваться в святая святых можно только со стрельбой и на последнем издыхании. Она профессионал, видит во мне потенциально способного на это врага и как правило, при моем появлении либо встает поливать цветы, либо освобождает руки и разворачивает пухлые от вечного сидения колени, готовясь к прыжку. Я на нее не злюсь, у нее все это давно на рефлексах и безотчетно. Я для нее опасна и она готова к бою. Нет, все-таки забавные они – эти строители коммунизма. Причем в нашем НИИ это можно воспринимать буквально. Ведь я работаю в отделе, где проектировали множество заводов своими стальными конвейерами тащивших страну по дороге величайшего в истории строительства. Строительства коммунизма. Социализм построили, решили немного, что-то, где-то переделать, перестроить и в 85-м вся вавилонская башня взяла да обвалилась. И опять все говорят на разных языках, друг друга не понимают. Яркий пример тому вот эта размалеванная в стиле Пикасо Надежда Романовна, при взгляде на которую человек легко может потерять то самое, чему положено бы умереть последним. Я ее понимаю плохо, она меня не понимает совершенно. Я для нее враг, дитя смутного времени, каждым своим появлением напоминающее о явлении миру великого хаоса. Единственно, что Надежда Романовна не может взять в толк, это зачем я все еще прикидываюсь инженером, вместо того, чтобы занять, наконец, положенное мне место где-нибудь на «Тверской».

– Здравствуйтесь, Надежда Романовна, – я не стала по своему обыкновению изображать рабскую покорность, в которую секретарь никогда не верила, а напрямую устремилась к тяжелой, обтянутой дерматином двери. Разруха заглянула уже и сюда, кое-где выскочили облицовочные гвоздики и дерматин топорщился несимметричными одутловатыми подушками. – Михаил Кузьмич у себя? – Я притормозила на пороге, не без удивления воззрившись на не пожелавшего кинуться наперерез секретаря.

– Да, он вас ждет, – ядовито испустила шипение Надежда Романовна, демонстративно отвернувшись к допотопной печатной машинке, давно лишившейся всех эстетических украшений из пластмассы, зияющей своим черным нутром. В устах секретаря фраза «Начальник ждет», в адрес младшей по рангу рабсилы, явный вызов.

Похоже, начальник уже пару раз интересовался, не пришла ли я. Либо это очень хорошо, либо очень плохо. Я привыкла готовиться к худшему, так что не сбрасывая с лица зверской решительности, выдавила:

– Мне назначено на шесть, – и вошла в кабинет.

Михаил Кузьмич сидел за своим необъятным столом, прорубившим подобно комете несколько витков времени. Бог знает, что появилось раньше кабинет или этот стол. Сам же Михаил Кузьмич, нервно выстукивающий на полировке помесь победного марша с усталым стуком дятла, это всего лишь пыль времен, которую легко сдует очередным витком истории. Едва я осветила простор сухого как фанера кабинета своим появлением, начальник вскинул лысую морщинистую голову, счастье растеклось по его, напоминающему по цвету и блеску, продолжение стола лицу.

– Ну что же вы, Василиса Васильевна, он развел руки в стороны и я увидела в толстых, мягких пальцах ровный прямоугольник конверта. – Что же вы? Я же вас жду.

Все в этом, похожем на плохую декорацию фанерном «ящике» под названием «ГИПРО-МЕТ» делается с помпой. Жило все с помпой и в упадок приходит с помпой. Мне кажется, Михаил Кузьмич никогда не умрет и Виктор тоже, они будут сохнуть и трескаться пока не сгорят от случайно брошенной в их сторону спички или не подвергнутся нашествию термитов. Но термитов у нас вроде нет, а вот пожаров в подобных учреждениях боялись всегда, и всегда пожарник был вторым человеком после директора, а может и первым.

– Мы договорились на шесть, – внесла я немного живой речи в формализм спрессованного вокруг воздуха.

– Ну, что ж вы, что ж вы, – Михаил Кузьмич замахал на ближайший стул у конференц-стола. – Присаживайтесь, присаживайтесь... Василиса.

Перед моим именем он всегда заминался, соображая как его можно уменьшительно обласкать, всегда терялся и выдавливал целиком. Когда-нибудь, при соответствующем настроении я не сдержусь и посоветую величать меня просто Вася. Подруги меня именно так и называют, а в институте так просто звали Вася в квадрате, присовокупив подобным образом и отчетство. Так что для меня это не было бы дикостью, но для сталагмита напротив, привыкшего ко всяким Наташечкам и Машечкам, это конечно тяжеловато.

– Ну, что же, – Михаил Кузьмич стол серьезен – Проект наш я отправил, думаю это то, что надо. И знаете, в ближайшее время, не хочу, конечно, опережать события, но вобщем, если пойдет, у нас будет иногда возможность подхалтурить. Кстати вот ваш процентик, авансик, так сказать, – он подался вперед, натужно крикнул и некоторое время глупо тыкал в мою сторону конвертом, по всей видимости, наивно предполагая, что я подскачу, как дрессированная болонка за лакомой сарделькой. А ведь, я с ним работаю уже больше десяти лет. И вечно эта упрямая наивность. Нет уж, я женщина, дорогой мой сморщенный атавизм, даже если меня за это когда-нибудь изнасилуют.

Стушевавшись, но, не решаясь оторвать свой начальственный зад от кресла, он толкнул конверт в мою сторону по полировке смежных столов. Увы, я далека от их деревянных стереотипов, конверт сразу лишился своего содержимого. Триста долларов переключались в мой кошелек.

– Не густо, – окончательно обнаглело мое величество.

– Хм, ну, – Михаил Кузьмич растерялся. Никогда ему, как и его секретарю не постичь времена, в которые подчиненные не тупо радуются, а считают и еще позволяют себе быть недвольными.

Наконец изваяв на блестящем в лучах солнца лице отеческое сострадание к ребенку инвалиду, он произнес:

– Ну что же поделаешь, это только авансик. Хорошо еще, что я эти то подработочки нахожу. Я же понимаю, в наше время на одну зарплату, так сказать... к тому же у вас же сынишка.

– А основная сумма когда? – продолжала изгаляться я, мстя за то, что ради формальной выплаты, которую можно было сделать в любой момент этого раскаленного дня, придав мне тем самым жизненных сил, крадут драгоценные минуты личного времени.

– Сразу как рассчитается заказчик, – Михаил Кузьмич окончательно превратился в стол, замкнув непробиваемой броней остатки сгнувшего строя. – Думаю на следующей неделе, может чуть дольше. – Теперь уже он с тоской ждет, когда я вспомню о своем личном времени. Я не стала больше его расстраивать, в голове колоколами била тревога. В семь часов мне надо быть в школе у Данилы.

Кабинет я покинула все же не торопясь, гордо вскинув голову полыхая недовольством. Но стоило оказаться в длинном коридоре отдела, не удержалась и еще раз поковырялась в сумке, пересчитала деньги. Триста долларов. Не плохой подарок к выходным. Душа наполнилась поэзией. Или сейчас взлечу подобно лебедю или грохнусь подбитой курицей. Захлестнувшие эмоции забрали последние силы, и перспектива лебедя уже не шла дальше его последней песни. Даже на лестнице духота брала за горло, воздух отсутствовал в этом здании и в этом городе. Мое обескровленное тело поползло по ступеням. В нос ударило плотно спрессованным табачным дымом. И как они умудряются в такую жару еще и курить? У окна стояло трое мужчин. Я уже привыкла, что в сплошь изрезанном на арендуемые помещения институте бродят посторонние, как на улице, и не обращала никакого внимания.

Однако меня быстро догнал один из них, оказавшись Олегом. Молодой, очкастый программист, быстро и легко предавший родной казенный дом и переметнувшийся в частную фирму, угнездившуюся на том же этаже. В программном обеспечении парень понимал очень хорошо, и его ценили в новой семье. Уже через пол года он стал приезжать на работу в личном авто. Из очкастого, прыщавого лаборанта, превратился в местного мачо. О его любовных похождениях уже ходили легенды. Последнее время я стала замечать, что и на моей спине он прикрепил очередную мишень. Я не отталкивала его резко, временами было даже любопытно наблюдать превращение утки в лебедя. Он привел в порядок кожу, запах, прическу и вот, наконец, венцом обращения стали новые очки, кстати, очень и очень удачно выбранные и по форме и по цвету. Если ему во всем этом никто не помогает, то у парня есть вкус.

– Василисик, Василек, что не весел, зачем голову повесил? – затараторил Олег мне в ухо.

– Привет Олежка, – сегодня я благосклонна, он молодец, умеет почувствовать это сразу.

Бабник, одним словом.

– Какие планы на вечер, после совместного ужина?

– Совместного?

– Есть не плохая идея...

– А ты уже освободился? – Я оглянулась, мы приближались к проходной, его товарищей видно не было, значит, молодой Казанова увязался за мной решительно. Что ж, пора использовать запасную карту, пока не сгорела. Сегодня тем более к тому полная необходимость. У сына в школе собрание, будет обсуждаться план путешествия в Европу по культурному обмену, неделя в Париже! Упустить нельзя ни под каким предлогом. Парень так старался, ни одной тройки в году! Мама его точно никогда не была способна на подобные подвиги.

И вот теперь из-за этого сморщенного баклажана – Михаила Кузьмича, я катастрофически опаздываю на собрание, а ведь количество мест ограничено. Ну, старая кочерыжка, если сын не попадет в Париж, сожгу вместе с кабинетом!

– Для тебя, прекрасная Василиса, я всегда свободен, – раскочегаривал талант Олег. – Если серьезно, – его голос стал сахарно мягким, но не глупым, – может сходим куда-нибудь?

Скользнув мимо турникетов, мы вышли на улицу. Я уже было, открыла рот для запланированной атаки, решив попросить подкинуть меня до школы. Конечно, это бы остудило уха-жера, для Казановы нет ничего болезненнее, чем понять, что его просто используют, и в ближайшее время у меня больше не было бы возможности обратиться к этому козырю. Но козыри для того и существуют, чтобы их рано или поздно использовать. Лучше рано, пока пыл не охладел.

Но я так и осталась с открытым ртом. На улице меня поджидали две хищные росوماхи. Проблема решилась сама собой, осталось теперь только спасти сохраненный козырь из двух прожорливых глоток, пока они его между делом не растерзали шутки ради.

Сашка первая оторвалась от своего серебристого БМВ и направилась нам на встречу. Женя, еще покрутила носом, но стоило ей заметить, что я не одна, припустила следом за Сашей, едва не переломав себе каблук вместе с ногами. Девчонки, как всегда сверкали и лучились на всю улицу, словно только что выскочили из салона красоты. Я поежилась. Первая прохлада за день и сразу ледяным ушатом. Чувствовать себя сушеной воблой намного приятнее в одиночестве.

– Васька, тебя сколько ждать! – завопила Женька, да так, что несколько человек обернулись, а один мужчина даже остановился на противоположном тротуаре. Женька, как всегда, рвалась в первый кадр.

– Девчонки, откуда вы здесь? – спросила я, чувствуя легкое облегчение оттого, что привлекая внимание к себе, Женька кажется не станет нападать на моего кавалера, но... это Женька не станет. Сашка подошла не торопясь, в фокусе ее двух бойниц Олег прочно застрял неподвижной, растерянной и легкой мишенью.

– Вася, похоже, обзавелась кавалером, – мягко произнесла она. – По меньшей мере, это не справедливо.

– Это Олег, – криво улыбнулась я деревянными губами. – Саша, Женя...

– Поцелуй тетям ручки, – томно произнесла Женька, легко включаясь в игру и надвигаясь на парня. Ее рука изящно повисла в воздухе. Олег еще не теряя самообладания чмокнул холеные Женькины пальцы с огромными накладными ногтями. Женька отдернула руку, Олег едва не потерял очки от неожиданности. Женька гениальная актриса. Она уставилась на руку, лицо ее не изменило выражения, но было ясно, что ее сейчас стошнит. Саша чуть приподняла одну ниточку брови. Олег машинально дернулся было и к ее руке, но Сашка его остановила:

– Уж нет, – она коснулась его лацкана. – У меня крем и все такое... впрочем. – Она легко и непринужденно посмотрела Олегу прямо в зрачки. – Как у вас со временем, молодой человек? Может с нами в яхт-клуб? Василиса отказывается ехать одна, у нее у одной кавалера нет и ее это смущает. Проведешь уик-энд где-нибудь на девственном пляжике. Как смотришь, Олег? Расходы все пополам, там не дорого, думаю, в десятку уложишься легко. Только надо быстрее думать, ехать нужно прямо сейчас, а то там какой-то отморозок хочет перебить наш заказ. Пока наши кавалеры подскочут, ты бы как раз с отморозком разобрался. Ну, так что?

– Поехали, – Женька протерла платком руку, который еле отыскала в крохотной сумочке и оскалилась всем своим лошадиным счастьем.

– Девки, – не выдержала я. – У меня время! Мне в семь в школе надо быть. Горю, у меня собрание.

– Семь, – Сашка сразу и как-то очень легко забыла про Олега, кинула взгляд на свои золотые часики и ахнула:

– Что ж ты молчишь, балда. Мы же опаздываем!

Людоедки мгновенно забыли о несчастной, растерянной жертве, схватили меня в охапку и потащили к машине, не удосужившись даже попрощаться. «БМВ» плавно сорвался с места. Свежий, прохладный воздух окутал тело, я едва не расплакалась от счастья. Хлопая ртом, как

свежеспасенный утопающий, я крутила глазами соображая, как нам быстрее добраться и что говорить извиняясь за опоздание.

– Ну, о чем я и говорю, – гневно тараторила Сашка, вертя руль. – До чего уже Васька докатилась. С нищими молокососами крутит! Куда это годится.

– М-да, – кивала Женька. – Разложение налицо.

– Девчонки, умоляю, быстрее, – мой организм постепенно возвращался к жизни, тревога в голове грохотала все громче.

– Что за аврал? – Сашка глянула на меня в зеркало.

– Даньку в Париж могут взять по обмену, сейчас собрание по этому поводу.

– По поводу Даньки?

– По поводу поездки, ну и вообще...

В школу я влетела ракетой. Собрание оказалось в актовом зале, на верхнем этаже, когда я оказалась среди других родителей, сердце уже выскакивало из груди. Особенной торжественности не было, завуч, мужчина лет сорока с аккуратной прической, в элегантном костюме, методично зачитывал правила, поздравлял отмеченных, трудом и терпением вырвавших победу учеников и их родителей. Поездка эта полностью внесена в график бухгалтерии, а проще говоря, бесплатна. Речь о взносах шла, но это уже с целью непредвиденных расходов под всевидящее око и руку сопровождающего преподавателя. Сумму вычислили среднюю, способную эти расходы покрыть и не особенно обременительную. Как ни как школа не коммерческая и родители далеко не все платежеспособны. Но даже и эта сумма не навязывалась бескомпромиссно, а скорее, доходчиво и обстоятельно рекомендовалась.

Все это было для меня уже не важно. Усталость слетела легкой шалью, едва с трибуны водруженной перед сценой слетела фамилия Ермолаев. Я больше не слышала ни фамилий, ни слов, ничего. Сердце замерло, провалилось сначала в живот, потом прыгнуло в горло. По-моему я просто умерла от счастья. Стояла и мертвая смотрела во вмиг опустевший для меня зал. Данька добился своего! Сердце брякнулось обратно в грудь и заныло. Еще секунда и я бы не выдержала, хорошо привели в себя девки принявшись колотить и щипаться своими когтями.

– Васька, ты что заснула, что ли? – Сашка уставилась на меня круглыми от изумления глазами. – Даньку назвали.

– По-моему, помрет сейчас, – свела брови Женька. – Вась, ты чего?

– Васька, тебе плохо, что ли? – Всполошилась Сашка.

– Хорошо, – я улыбнулась, какие же они у меня дурочки.

– Хорошо ей, – Сашка сжала губы. – Платить надо, взнос на поездку триста долларов, у тебя есть?

– Что? – До меня вдруг долетел смысл звучащего в зале, я сорвалась с места едва не уронив какого-то родителя. – Да-да. Сейчас, конечно!

Я так неадекватно торопливо бросилась избавляться от кровных последних, что многие даже еще сомневавшиеся, засеменяли следом. Завучу даже пришлось напоминать о необязательности данной процедуры.

Что-то я еще говорила, что-то подписывала, вдруг упав в реальность не смогла вспомнить ничего. Еду с девчатами в машине, о чем-то разговариваем... бац, я снова соображаю.

– Ну, а ты Вась? – Сашка глянула на меня через зеркало.

– Что?

– Я же говорю, летает, – повернула она голову к Женьке, и вновь обратилась ко мне. – Ты вообще, что-нибудь слышала, о чем мы говорим?

– О чем? – Вдруг я поняла, что мы что-то долго едем до моего дома, глянула за окно...

– А куда это мы?

– Рехнуться, – прошипела Женька.

– Ты себя нормально чувствуешь? – поинтересовалась Сашка с вызовом.

– Девы, дайте сигарету, – примирительно сказала я. – Кажется я только что провалилась в финансовый ад.

– И она еще игнорирует, что я ей говорю, – Сашка зло хмыкнула. Женька протянула мне тонкую сигаретку.

– Вась ты способна слушать вообще сегодня? – Сашка начинала заводиться, я поспешила остудить ее.

– Девчонки, ну извините, задумалась, так что вы говорили?

– Мы говорили, что деньги зарабатывать надо! – вместо того, чтобы успокоиться, взорвалась Сашка.

– Короче говоря, – Женька повернула ко мне голову. – Ты слушаешь?

Я кивнула, довольно выпустив дым в щель приоткрытого окна. Мне было хорошо. Такая какая-то эйфория разлилась, что я готова была слушать, кивать, поддакивать. Даже мысли о финансовом крахе и что я не могу срочно поздравить Даньку временно отступили.

– Сашка предлагает организовать бизнес. Пока мы еще не стали сыпаться на куски от старости.

– Девки, вы гении, – вздохнула я. – Вязать я правда умею не очень здорово, но вот валенки валять...

– Дурака валять ты умеешь здорово, – вновь ахнула огнем Сашка. – С тобой серьезно говорят.

– И я серьезно. Валенки сейчас очень мало кто умеет делать, а товар в нашей северной стране ходовой.

– Так, слушай меня, – густым металлом отчеканила Сашка. – Я Матвея изгрызла, я его к этому решению пол года тащила...

Мне вдруг представилось, как грузного великана Матвея тащит хрупкая Сашка, а он хнычет и отбивается. Улыбка сама вылезла на лицо, о чем я тут же пожалела.

– Я не могу с ней говорить, – окончательно взбесилась Сашка. – Ржет сидит.

Женька села боком, повернулась ко мне.

– Вась, что ты, правда, сегодня! Может ты влюбилась?

– Девочки, да не злитесь, – мне вдруг стало безумно жалко двух этих неисправимых романтиков. – Но я никогда не занималась бизнесом. И при чем здесь в нашем бизнесе, твой Матвей?

– Среди нас предатель, – после некоторого молчания изрекла Сашка. – Она уже говорит словами Матвея.

– Что ж, – я пожалала плечами, выкинула сигарету, мысленно, не в первый раз отдав должное Матвею. – Он правильно говорит. Если хотим завести свое дело, то самим и надо заводить...

– А еще он говорит, – резко перебила Сашка, – что настоящий делец не принимает к деньгам и всегда берет, когда и где берется. Так что нам мешает взять у него на раскрутку? Ну, давай, поспорь теперь с ним.

– Не буду. Дает, надо брать, но потом отдать. – Сказала и осеклась. Все-таки у Сашки есть деловая хватка. Хитро она выудила из меня согласие.

– С этим никто и не спорит, – Сашка упивалась победой. – Вернуть мы ему вернем, тем более, что он купил только здание и оборудование, причем очень дешево, сумел улучшить момент. Наше дело реклама и оборот.

– Оборот чего?

– Покойников, разумеется.

– Ой, Саш, я же просила, – Женька поежилась и отвернулась к окну. В салоне пару минут не было слышно ни единого звука. Умеют все же в Германии делать машины, ну ровным сче-

том ни единого звука, если конечно не предположить, что у меня слуховые галлюцинации. И почему-то именно это мне и хотелось предположить.

– Оборот, – по слогам повторила я, – че-го?!

– Трупов оборот, – с тоской выдохнула Сашка и вновь замолчала.

– Девчонки, шутки шутками, но мне домой надо, – я крутила головой. Машина тем временем миновала пост ГАИ, окружную дорогу и набрав скорость, полетела в загородную неизвестность.

– Девки, куда мы едем? – я начала беспокоиться. Им хорошо, у одной муж дома с сыном, у другой дочь уехала отдыхать, свободны как вороны, а мне надо домой ужин готовить.

– Мы едем к новому месту работы, – простенько и со вкусом объяснила Сашка.

– Какой работы? – Похоже я слишком расслабилась, а в их руках это не позволительная роскошь. – Мне домой надо, у меня сын дома один.

– С сыном все нормально, его Матвей взял в комплекс отдыха, они все равно с Костиком собирались, ну и твоего прихватили.

– А почему мне никто не сказал? – Я негодовала, как никогда.

– Не первый день знакомы, – деловито шипела Сашка. – Заранее с тобой о чем-то договариваться бесполезно. Тебя надо перед фактом ставить, тогда от тебя и толк будет и полная самоотдача.

– Спасибо за комплимент. – Ярость клокотала у меня в груди. – Дайте сигарету, мерзавки.

– Ну вот, – Сашка посмотрела на Женьку, кивнула в мою сторону. – По-твоему мы смогли бы запихать ее в машину? Да еще если бы все обговорили и она знала куда едет.

– Ну, Саш, – качнула головой Женька. – Все равно так тоже плохо. Теперь она будет злая, как фурия. – Она подала мне сигарету.

– А иначе ее вообще бы не было!

– Простите что перебиваю, – плохо контролируя голос прошипела я. – Но остановите машину немедленно и катитесь дальше к черту одни.

– Прямо как будто знает куда едем, – удивленно покачала головой Сашка.

– Ужас, – опять поежилась Женька. – Мне что-то неуютно. Вы хоть слова выбирайте, дурочки.

– Я говорю, остановите машину. – Устало повторила я, понимая, что и сопротивляться-то глупо и бешенство это мне ни к чему. Не конструктивное это чувство. – Я хочу вам сказать, – добавила я уже без особых эмоций, – это похищение человека. Вас посадят, я вам передачи таскать не буду. Я буду требовать самого строгого наказания.

– Ну, что же, – улыбнулась Сашка. – А мы и так уже приехали. Она обернулась и рас- теклась в такой широкой и искренней улыбке, что я вмиг оттаяла. Мы вышли на раскаленную дневным жаром улицу...

Глава 2

На несколько долгих минут, я забыла о зажатой губами сигарете. Так и не сделав ни одной затяжки, вынула ее изо рта и уронила к ногам. Мозг отказывался верить в происходящее. Я стояла в широком поле старой, заброшенной свалки, плавно переходящей в не менее широкое кладбище. На тонкой границе двух этих противоположных по смыслу, но идентичных по сути миров, торчали серыми бородавками редкие постройки. Напротив одного такого строения, сейчас и оказалась я, и надо признаться при всем своем опыте общения с этими двумя авантюристками, сегодняшнее событие было из ряда вон. И по-моему я сейчас просто-напросто начну их колотить, вне зависимости от того, что они придумали и какого черта мы вообще тут делаем. Я вновь начала закипать. Видимо это было заметно, потому что девчонки хором набросились на меня.

– Вась, помогай, – заявила Сашка, кивая на машину.

– Я все не возьму, – вторила ей Женька, копаясь у раскрытого багажника.

У меня вдруг не стало сил, ни малейшего желания говорить. К тому же катящееся к закату солнце все еще умудрялось жечь мое обугленное за день тело нещадно. Мое бешенство клокотало теперь где-то глубоко подстать обманчиво дремлющим вулканам. Девчонки меньше бы удивились, начни я плевать ядом, выстреливая в их сторону раздвоившимся языком, но моя вялая покорность явно выбила их из колеи. Сашка замерла с открытым ртом, когда я молча направилась к багажнику на помощь Женьке. Та в свою очередь уже успела закрыть крышку, дефилируя в мою сторону с двумя пакетами. Помощь ей особенно не требовалась и она вдруг уличенная во лжи, замерла, глядя на меня своим прозрачно-тупым взором, открыла рот и устремила молящий о помощи взгляд на Сашку. Та сориентировалась быстро.

– А, все взяли, ну я же говорила там не много, я много не стала брать, мы же тут не на всю ночь...

Женька глупо хихикнула.

– Всю ночь, – теперь с мольбой она смотрела на нас обеих, кидая зрчками как кошка на пинг-понге, еще бы секунда и они разъехались бы у нее в разные стороны. Это могло бы дать ей неповторимый шарм.

– Девчонки, пол часика и по домам, – пискнула она. – ну или куда-нибудь, может сходим... да?

– Конечно, – вновь схватилась за новую тему для отвлекающей болтовни Сашка, сама схватила у Женьки один пакет и устремила к железной двери двух этажного, похожего на огромный кубик, бетонного дома. Женька припустила за ней, не забывая кидать в мою сторону цепкие и довольные от того, что и я бреду по их стопам, взгляды. У двери Сашка завопилась с пакетами и ключами, я решительно выдернула у нее пакет. Дверь открылась, я кинула последний, тоскливый взгляд в сторону пыльного, пытящего, удушенного раскаленным маревом города и шагнула в темноту.

Скрипнул рубильник, Сашка хлопнула входной дверью. Лестничный марш вел вниз, откуда приятно веяло вечной сырой прохладой подвальных помещений и вверх. Дверь на нашем уровне украшала табличка с лаконичной надписью: «Зал прощания». Женька поежилась и не дожидаясь приглашения устремила вверх по лестнице. Мы с Сашкой пошли следом.

– Я жду объяснений, – вырвалось у меня само собой.

– Сейчас сядем и спокойно поговорим, – Сашка прибавила шагу, ясно что она оттягивает момент объяснения. Что ж, я готова была подождать, но сами знают, что чем дальше будут тянуть, тем им будет хуже. Еще несколько минут и мой внутренний вулкан начнет делать первые выбросы.

Верхний этаж предстал перед нами узким, длинным коридором с несколькими дверями по обе стороны, в одну из которых и вплыла наша пестрая, цокающая каблуками процессия. Просторный кабинет с широким окном, производил вполне цивильное впечатление. Портили его только отслоившиеся обои, неуклюже крашенная тумбочка в углу и тяжелый несгораемый шкаф. В остальном все терпимо. Тот, кто здесь раньше работал, явно не ленился в борьбе с безвкусицей и разгильдяйством, царящими в любом бюджетном предприятии.

Но целиком истребить хаос централизованного снабжения не возможно. Уж это-то мне известно как никому.

Сашка выхватила у нас пакеты и принялась выкладывать их содержимое на стол.

– Я взяла тебе Мальборо, пару пачек, – кинула она в мою сторону. Что ж, выиграла еще пару минут. Нормально покурить я не могу уже пару часов... да нет, побольше. Еще на работе кончились сигареты и с тех пор... наконец я смогла сделать глубокую затяжку. Даже дрожь прошла по телу от удовольствия. Я покрутила головой в поисках пепельницы. Тяжелый, зеленый круг стоял на столе и я плюхнулась на хозяйское кресло, стала с терпеливым ожиданием наблюдать за суетой девчонок. Погрузившись в эйфорию никотиновой зависимости, забыла стряхнуть с лица старое выражение брезгливой ненависти, результат не заставил себя ждать. Две разукрашенные авантюристки суетились все быстрее и вскоре стол был походно сервирован, обе уселись и схватили уже наполненные пластмассовые бокальчики, уставившись на меня. Возникшая тишина и повышенное внимание к собственной персоне, вернули меня к реальности. Только сейчас я вспомнила, что смотрю на них с нескрываемым бешенством. Хотела исправить положение, но секунду подумав, с тем же выражением раздавила окурки в пепельнице и взяла свой бокал. Алая жидкость качнулась в пластиковых гранях.

– Девочки... – с подъемом начала было Женька, но Сашка, преследующая в это мгновение единственную цель – скорее напоить меня, весело перебила:

– Ну, давайте! – Она широко улыбнулась. – Первую до дна.

Что ж, выпили.

– Между первой и второй, – вновь засуетилась хитрая лиса, но меня не собьешь.

– Я жду, – сколько можно жестче отчеканила я.

– Давайте еще по глоточку, – Сашка наполнила бокалы.

– Давайте, давайте, – Женька сделала глоточек, после которого в емкости почти ничего не осталось и виновато растерянно уставилась в сторону прозрачного дна, видимо решая на сколько важно в этот момент придерживаться Сашкиных постулатов. Решилась таки помочить губы, но не допить. Я же демонстративно не смотрела на свой бокал.

– Какое вино хорошее, – Женька развела руками.

Уже около минуты у нас с Сашкой шла молчаливая дуэль взглядов. В конце концов она не удержалась и улыбнулась.

– А что такого, – вскинула она брови. – Бизнес как бизнес, ничем не хуже любого другого.

– Ты решила заняться бизнесом? – Я смотрела на нее пристально.

– Мы решили заняться...

– Вы решили. – Я кивнула.

– Мы все решили, – Сашка обвела пальцем комнату, из чего надо было сделать вывод, что решили все, кто в ней находится. Жест был таким широким, невольно возникло желание осмотреться повнимательнее и найти припрятанную в тумбочке и сейфе толпу участников соглашения.

– Мы решили? – Еще не совсем понимая, переиграла я. До этого момента меня бесила только бесцеремонность приглашения на этот сабантуй, но похоже сюрпризы на сегодня еще не кончились.

– Ой, Васька, ну дотошная ты! – Взвилась Женька, она вскочила и принялась кружить по кабинету. Есть у нее такая черта, пьянеть от самого факта пьянки. Она уже, со всем свой-

ственным ей талантом, погрузилась в предписанный образ и щебетала, закатив глаза: – Сашкин Матвей согласился купить ей бизнес, но с испытательным сроком. Это и есть испытание, – она развела руки, показывая какое не сильно ободранное испытание досталось.

– Зачем тебе это? – Уже совершенно искренне не поняла я. Особого рвения заниматься своим «делом» я за Сашкой никогда не замечала. Больше того, она больше чем кто-либо из нас всегда была настроена найти себе удачную партию и стать домохозяйкой. И ни разу за всю жизнь она не изменила своим принципам. Вышла замуж, бросила журналистику, растила сына. Разговоры о своем бизнесе, конечно, иногда случались, но это все как-то так, в общем плане, без нарушения центральной жизненной позиции. Заикнется, муж ей скажет – «спать ложись», и все. Дань производственному рвению отдана. Что ж, похоже, и эта дань, с годами утомила Матвея, и вот результат.

– Не мне, – голос Сашки стал жестче. – Это дело для нас троих. Наше и только наше.

– Ты серьезно?

– Прекращай, Вась, возьми салатик.

– Васька, какая ты все-таки, – к столу припорхала Женька. – Девчонки, давайте выпьем!

– И в чем заключается бизнес? – Спросила я, доставая сигарету. Лучше бы не спрашивала. Иногда лучше не знать даже то, о чем догадываешься.

– Крематорий, – Сашка куснула кусочек тонюсенького хлеба с икоркой, отломил кусочек рыбки. Женька, тянувшаяся к кусочку колбаски, передумала и схватила бутылку.

– Ты хочешь сказать, – произнесла я, методично складывая в голове мозаику виденного и наконец услышанного: – Здесь?

– Ну, конечно, – Сашка взяла наполненный бокал, сделала маленький глоток. – Именно здесь, и именно крематорий. Мы будем сжигать трупы.

Женька жадно вливая в себя вино не успела сделать последний глоток. Тело ее дернулось, на миг она замерла и вдруг разразилась бешеным кашлем. Сашка подошла к ней и принялась колотить по спине. Борьба с кашлем длилась не меньше минуты, когда же победила красота, Женька была уже совсем пьяная. Она глупо улыбнулась, пожала плечами и икнула.

От сознания собственного бессилия что-либо сделать и даже в полной мере понять в этой ситуации, я решила просто поесть. Тем более что голод уже не заглушался даже курением. Салатик, так салатик, решила я. В конце концов, одна дурасть другой не лучше. Да, в этот раз девки замахнулись широко. Но еще глупее их за это осуждать.

– И как вы... – я помолчала. – Хорошо, как мы будем управляться с делом? Надеюсь, вы понимаете, что у меня работа. Кстати у Женечки тоже. У меня хоть выходные есть, а у нее с этими репетициями вообще ничего не поймешь.

– Это я уже думала, – Сашка встала у стола, цепляя маленькие кусочки явно в ресторане закупленной провизии. – Ты берешь на себя выходные, а мы с Женькой сжигаем покойников по будням.

– Сашка! – На Женьку уже жалко было смотреть. Она убрала в сторону опустевшую бутылку и взялась за штопор.

– Забавно. – Я вытерла пальцы о салфетку. – Женька жжет покойников. Интересно глянуть, что с ней будет, если она их просто увидит.

– Когда нужно для дела, – Женька принялась вертеть штопор, погружая винт в пробку. – На Евгению Николаевну можно положиться.

– Почему ты думаешь, что мы своими руками должны кого-то пихать в печку, – Сашка кашлянула и промокнула губы салфеткой. – Для этого существует персонал. Собственно говоря, – она посмотрела на часы, – сегодня мы здесь именно по этому поводу. У нас назначена встреча.

– С кем? – я немного встревожилась. Надо быть на чеку, как бы эти обалдевшие от скуки курицы не зашли слишком далеко.

– Я не совсем поняла, – пожала плечами Сашка. – Поставила здесь автоответчик, как-то прихожу, звонок был. Какой-то не русский, я ему перезвонила, назначила на сегодня. Минут через двадцать уже подойдет.

– И сколько уже у тебя эта адская печь в собственности? – поразила я.

– Чуть больше недели, – Сашка усмехнулась. – Не знала, как тебе сказать. Ты любую инициативу способна уничтожить. Вот и выбрала момент, когда пора дела делать, а не просто радоваться.

– У-у, – я понимающе кивнула. – Жаль, что вы меня лишили радости. В нашем новом бизнесе с этим будет напряженно.

– Ну, прекращай, – взмолилась Сашка. – В конце концов, ругать это самое простое.

– Особенно когда к этому созданы все условия.

Женька, наконец, победила пробку, и вино вновь наполнило бокалы.

– Девочки, – сказала она. – А у меня опять роль ушла. – И она скусила такую гримасу, что на душе невольно заскребли кошки.

Когда-то мы все поступали в театральный, но преданной этой профессии осталась только Женька. Мы с Сашкой подавали документы параллельно в другие вузы, в которые в результате и поступили, но Женька, самая худая, неказистая из нас, рвалась в лицейство. В институт театрального искусства она поступила, закончила, и вот уже много лет работает в театре. Именно работает. Мечта превратилась в работу и лишь иногда, словно через какую-то дыру во времени, вырывается голосок все той, далекой, длинноногой и длиннорукой несобранной, но самой романтической из нас, Женьки. И тогда на душе у каждой открывается по какой-нибудь давно забытой, но так и не излеченной старинной болячке. В такую секунду хочется ее убить, но мы, как обычно, просто начинаем хныкать друг дружке в блузки. И эти сопливые курицы затерявшиеся на стыке эпох собрались заниматься бизнесом. А может это и верно. Шикарный финал, апофеоз развития дочек эпохи перемен. Стикс, лодка и каждой по веслу, а я, пожалуй, сяду на руль. И прямо в вечность, от берега до берега и обратно. Мы сжигаем трупы, это шикарный финал!

– Что за роль? – Сашка погладила Женьку по плечу.

– В сериале. Мне ее обещали, уже все было договорено, а эта мочалка, соплячка...

– Ну, ну, ну, – Сашка наклонила к себе ее голову. Началось. И так всегда.

– Хозяева! – Донесся растерянный голос в коридоре. – Есть кто живой?!

– Постояльцы его не интересуют, – мрачно заметила я, наблюдая, как встрепенулись бизнес-леди. – Он ищет живых. Наверное, сейчас предложит мертвых. Или потребует. Зависит от того, с какого он берега.

Шутку мою не оценили. Срочно надо было привести себя в порядок. Девки суетились бестолково, не зная с чего начать. На столе беспорядок, настроение не деловое. Командование тонущим кораблем пришлось брать на себя.

– Позовите его, – скомандовала я. – Он же не знает где мы. Заблудится, потом ищи его.

Женька метнулась к двери. Сашка ткнула в меня длинным пальцем.

– Ты с ним говоришь.

– Я? – Настал мой черед растеряться. – О чем?

– Понятия не имею, но сейчас выходные, твое дежурство.

– Бред, – я устала удивляться. – Ну, хорошо. Хотя и слабо себе представляю, что из этого выйдет. Мне что, надо купить покойников по-дешевле?

– Выясни, что ему нужно. Я по телефону ничего не поняла.

– Прекрасно. – Мне осталось только развести руками. – Зовите.

Женька выглянула в коридор. Она напялила на себя официальность, как новый реквизит к очередному действию. Сашка торопливо поправила, что успела на столе. В кабинет, озираясь, вплыл невысокий мужичок, каких на любом рынке водится в невероятном количестве. Восточ-

ный мужичок заставил меня всерьез беспокоиться, не окажутся ли мои шутки на рыночную тему былью и не предложат мне сейчас выгодный опт мертвечины.

Женька усадила гостя и приняла деловую стойку по левую руку от меня. Сашка уселась по правую. Мужик был явно растерян, и думаю, не ошибусь, если предположу, что новый персонал не очень соответствует заведению. Что ж, пора было его оживить.

– Я вас слушаю, – вкрадчиво произнесла я, с ужасом представляя, что буду делать, когда он зарыдает, вспоминая, каким хорошим был человеком усопший.

Но он не зарыдал, он внимательно осмотрел каждую из нас, сделал таинственный жест рукой, подался вперед и выдал:

– Я слушай здэсь был, другой хозяин, да.

– Вы были здэсь хозяином? – Я с готовностью напрягла способности переводить на русский рыночную тарабарщину. Благо опыт есть.

– Нэт, слушай. Я здэсь был другой хозяин, да. Я с ним договаривался.

– Вы договаривались с прежним хозяином?

– Да.

– Хорошо. О чем вы договаривались и что вам нужно от нас?

– Мнэ, слушай, что мнэ надо. Мнэ мой надо, да?

– Простите... – Я глянула на Сашку, но та лишь сидела с серьезной миной.

Помощи у Женьки искать бессмысленно. Стараясь, как можно корректнее, я поинтересовалась:

– Вы хотите забрать... – последнее слово выдать долго не получалось, но я напряглась: – Тело?

– Забрать, то что оставил. Слушай, врэмья, да? Портится.

– Конечно. – Я пожевала губы. Сашка молчит, Женька, слава Богу, еще стоит, даже смотреть на нее не стала, чтобы не взглянуть. – Когда вы его сдали?

– Слушай, – мужик развел руками. – Я нэ сдал, я на врэмья оставил. Слушай, я нэ идиот. Мнэ мое надо.

– Поймите и вы нас, – я придала голосу жесткости, хотя, честно признаться совершенно не была уверена, что меня хватит надолго. И уж точно я ему ничего не буду отдавать. Пусть эти курицы сами своих покойников сортируют. А вообще странно. Они что, купили вместе со зданием... нет, уж лучше и не думать.

– Есть процедура, – продолжила я официализировать, пока мозги мои кипели от абсурда происходящего. – Все должно быть оформлено...

– Зачем, слушай! – Похоже, и собеседник начал возмущаться, ну уж этой радости я ему не доставлю. Не хватало чтобы носитель абсурдной ахинеи начал повышать на меня голос.

– Прекратите истерику! – открыла я предупредительный огонь. – Вместе с заведением нам не было передано никаких обязательств. Радуйтесь, что с вами вообще разговаривают...

– Слушай, как вообще, да? Я свое хочу. Он, слушай, портится. Куда его девать потом, да?

– Возьмите себя в руки, – уже совсем спокойно произнесла я. – Вы оформляли какие-нибудь документы?

– Слушай, какой докумэнты! Я на врэмья оставил, потом никого, дверь закрыт, тэлэфон нэкто нэ ответил. Слушай, месьяц прошел. Портится!

– Месьяц? – По спине пробежал неприятный морозец.

– Здэсь даже свет был отключен, – прошептала Сашка и только теперь я поняла, что она не пытается создать деловую мину, она где-то на грани обморока и за сознание цепляется из последних сил. Стол заскрипел. Ну, конечно, Женька потеряла равновесие, но в целом молодец, держится.

– Ну, что же. – Не знаю, какого усилия мне стоило остаться на плаву, но голос мой все еще звучал ровно. Хотя воображение и разыгралось, что скрывать. Не знаю, чем тут промыш-

ляли предшественники, но если тело не было оформлено, то совершенно запросто его могли и забыть. И что теперь там с ним, спустя месяц жары без электричества стало... ох, многовато для первого дня работы.

– Что ж. – Я вновь помолчала. – Думаю ситуация давно вышла из под контроля. И все же, почему не оформили с прежней администрацией документы?

– Слушай, зачѐм документ. Зачем оформил? Я положил, забрал, я на рынке работаю. Сам думай, жара, портится. Я же не могу все сразу продать, да?

– Продать? Что продать? Шашлык что ли из него... – И тут меня осенило... что совпало с грохотом рухнувшего тела. Бог свидетель, Женька держалась долго, но всею есть предел.

По коридору мы летели едва ли не в припрыжку. Круглый азербайджанец возглавлял процессию. Женька по началу отказывалась идти с нами, но альтернатива остаться одной в кабинете вдохновляла еще меньше. Итак, впереди бодрый и даже смеющийся Михман, то есть Миша, следом я, дальше, поддерживая друг дружку белая как простыня Сашка и мутно зеленоватого оттенка Женька. Миша не может унять своего веселья, даже мысль об испорченном товаре не способна омрачить его порозовевшей души. Его разрывает счастье от мысли, что он едва не загнал в могилу трех тупых куриц, решивших, что он торгует на рынке телами своих родственников.

– А я, слушай, – тархтит Миша, пока мы спускаемся в подвал. – Какой документ. Я, слушай, думаю мѣльция, что ли. Красивый такой дѣвушка и мѣльция. Думаю, съел мой товар, а сам мѣнѣ мозг морочает, да? Вах, слушай, думал, все, сейчас взятка, да, орѣстуют Михмана.

Подвал оказался спланирован иначе, чем второй этаж. Здесь пространство было поделено смежными помещениями. Столярный цех, склад, подсобки и наконец холодильная. Зрелище, конечно выдающееся. Запах того, что мы искали давно пропитал весь цоколь. Миша сам открыл нужную дверцу, глянул на печальное зрелище. Выдал свое трагическое:

– Вах, – и с тоской уставился на нас. Но здесь ему было не найти поддержки. Бананы, которыми он когда-то наполнил холодильники, почерневшие и растекшиеся по всему полу, выглядели едва ли намного лучше трех пожелтевших от впечатлений подруг. Миша быстро сориентировался в ситуации, превратившись в маленького, круглого, но очень веселого джентльмена. Он вновь отвел нас наверх и томительно долго повествовал о сложностях своей жизни. Он поделился своими знаниями и о выбранном нами бизнесе, не упустив такой важной статьи дохода, как аренда ему холодильника, тем более его основной склад находится тут в двух шагах. На мое замечание, что можно заняться и курами-гриль, он задумался. Спустя пару часов, когда стол опустел, и небо стало окончательно черным, Миша заторопился. Звал к себе в гости, предлагал дружбу и даже любовь, но был выдержан и в меру корректен. И все же, спасибо ему, он умудрился немного растормошить нас. Но пора было и нам собираться в сторону дома. Тем более, что оставаться в этом чудном месте одним, не улыбалось никому. Миша радостно принял предложение подбросить его до склада, и мы все, наскоро покидав мусор со стола в пакет, направились к выходу. Кто бы знал, что эта ночь окажется длиннее самой длинной полярной. Уже у самого выхода на улицу нас ждал сюрприз. На вид в этом сюрпризе было не меньше ста пятидесяти килограммов. Сюрприз-гора ждал нас, заложив свои огромные клешни за спину. От неожиданности вся наша процессия замерла в гордом молчании. Человек-гора вынужден был нарушить тишину своими силами.

– Ну, это, – подобно камнепаду в глухом ущелье, ахнул на нас «гора», – короче, – и он выглянул в дверь, остатки обвала тяжелых слов высыпались в черноту ночи: – давай пацаны, заноси. – Он посторонился, так, что нам пришлось вернуться на несколько ступеней вверх. Сквозь поручни лестницы было видно, как две тени скользнули вниз. Опять подвал! Они не без труда волокли на плечах что-то продолговатое, и почему-то не хотелось думать о том, что именно они тащили.

Великан вновь повернулся к нам.

– Короче, это, – жестикуляция его была вполне под стать стилю речи, непроизвольно направляемые две бомбы, сравнение с кувалдами было бы слабовато, летали перед нашими носами как два весомых напоминания о краткости земного бытия. – Ну, блин, это, типа, поняли, да? Короче, надо, это, того. Как обычно. Гутен морген? Фирхштейн, блин? – За его спиной вновь скользнули тени, покидая нашу беспокойную лавочку. Он продолжил: – Короче, блин, я брякну, через час. Ну, это, типа, давайте, в натуре, пойдем пока.

И он ушел. Тяжело, грузно, нехотя. Взвыл и улетел на улице мотор. Мы переглянулись только спустя минуту. Спустя еще пару, поняли, что у нас есть новая проблема и что с нами больше нет Миши. И когда только он успел слинять, прямо фокусник-иллюзионист какой-то.

– Я умру, – сообщила Женька, роняя пакет.

– Не надо, – Сашка смотрела на меня с мольбой. Я в их понимании кусок железа, что ли?

– Я лично, – попыталась я быть спокойной и удивленной, – ничего не поняла. Думаю не нужно преждевременных выводов. Надо пойти вниз, посмотреть. Мы слишком мнительны. Вон как этого труса Мишку перепугались.

– Я вниз не пойду, – сообщила Женька и вцепилась в руку Сашки. – И вас не пущу.

– Если не спустимся, будет только страшнее. – На меня начала наваливаться апатия, стала сказываться и рабочая неделя и тяжелый вечерок.

– Я умру, – вновь изрекла Женька тонким голоском и при взгляде на нее в это заявление верилось. Артистка наша криво повисла на руке у Сашки, цвет лица принял серо-зеленый оттенок.

– Хорошо, – вздохнула я и достала сигарету. – Я схожу, а вы ждите меня здесь.

– Нет! – взвыла Женька и вцепилась обеими руками в мою рубашку. – Не ходи, Вася, пожалуйста. Давай уедем...

– Женька права, – ни к селу, ни к городу заявила Сашка, – давайте уедем.

– А ну-ка взяли себя в руки! – Завопила я, давась возмущением. Наверное в эту секунду я могла бы спуститься куда угодно, хоть в самую преисподнюю. – Хотели заняться бизнесом? Так занимайтесь!

– Да-да, – закивала Сашка. – Надо спуститься, посмотреть...

– Нет!.. – Женька царапала нас обеих.

– Правильно, нет, – легко согласилась Сашка. – Мы сначала съездим к Матвею, посоветуемся...

– Черт бы вас побрал, – не выдержала я. – Вы просто две трусливые, сварливые дуры. Да черт с вашим бизнесом, мне плевать, но посмотреть надо, и если что звонить в милицию.

– Правильно, – нервно закивала Сашка. – К Матвею нельзя, он сказал, если к нему обратиться хоть раз, больше никаких бизнесов. В милицию надо, в милицию, точно. Пойдем, Вася, посмотрим.

Крадучись мы двинулись по лестнице вниз. Кое-как, бочком, осилив несколько ступеней, мы вновь остановились. Женька принялась по новой мять наши руки.

– Девки-девки, я боюсь, я умру сейчас. Тут еще кладбище рядом...

– А ну взяла себя в руки! – Я схватила ее за локоть и толкнула вперед. Под этим напором Женька засеменяла по ступеням. Мы за ней следом. Она было замерла перед дверью, но я решительно втолкнула ее. В плотницкую Женька влетела с закрытыми глазами и встала как соляной столб, для верности закрыв глаза ладонями. Надо сказать ее предосторожность не была излишней.

– Девки! – Завопила она, поняв, что движения больше нет, да еще мы замерли как мыши, решила, что мы ее втолкнули и смеясь убежали что ли. Ее счастье, что она не видела реальной картины.

– Девки! Вы где?

– Здесь, – просипела Сашка.

- Где же нам быть, – непроизвольно перешла я на шепот.
- Девочки, родные, – ныла Женька. – Скажите, что здесь ничего нет.
- Все в порядке. – Я подошла, взяла ее за локоть. – Ты только глазки не открывай.
- Мне плохо, – выдохнула Женька и закачалась. Я решительно развернула ее и толкнула

к выходу, кивнула Сашке, та пошла следом. Когда они обе исчезли за дверью, я подошла ближе к пьедесталу, на котором в прошлый раз, я это помнила точно, был водружен недоделанный гроб, теперь на его месте... вобщем на столе теперь лежало то, что должно было являться начинкой деревянного изделия. Мужчина лежал неподвижно. Глупые мысли, а как еще он должен лежать, не выспаться же его сюда привезли. И чего я к нему подошла? Пульс что ли ему мерить? Ну что же, ясно главное – сбылись самые худшие подозрения, нам подкинули «халтуру», подстать новой профессии.

Рядом с телом лежала пачка зеленых банкнот. Хорошая работа, здесь с оплатой за «халтуру» хотя бы не тянут. Интересно сравнить. Я взяла деньги, нервно пересчитала, трудно с непривычки отводить глаза от мертвеца. Что ж, сумма не так что бы очень, всего тысяча долларов. В принципе мои халтуры иногда тянут на столько же. Редко, правда, и работы больше, но все же, вселяет некоторую гордость, то ли криминал чахнет, то ли жизнь становится лучше. Я последний раз глянула на покойника и торопливо вышла из мастерской. Не нужно было быть гением, чтобы понять, что девчонки ждут меня на улице, рядом с машиной. Дезертирши. Женька уже немного отдышалась, но говорить она пока не была способна. Сашка кинулась мне навстречу с таким видом, будто я вернулась с того света.

– Прекратили истерику, – выдала я сходу и протянула Сашке пачку долларов. – Вот вознаграждение за причиненные неудобства.

- Что это? – она отдернула руки.
- Оплата. – Я не стала настаивать, подошла к машине и кинула деньги на сидение.
- Вась, что нам делать-то?

– В милицию звонить, что же еще, – иногда поражает, как люди умудряются мгновенно тупеть.

– В милицию? – Сашка изобразила, что ищет телефон, но слишком неуверенно она это делала.

- Тебя что-то смущает? – Я пожевала губы, все это начинало раздражать.
- В милицию, в милицию, – она мялась, как первоклашка у доски. – А что если...
- Что?!

– Ну, – она совершенно смутилась. – Что если он тоже в милицию звонил, – кивнула в сторону двери. – Теперь его тихо, мирно сожгут и никакого шума. Разве что ворона какая-нибудь чихнет.

- Чувство юмора ты от страха не потеряла, – зло сказала я. – Звони в милицию.
- Ну, подожди, подожди, – теперь уже Сашка успокаивает меня. Абсурд какой-то.
- Чего ждать? Когда он пропитается ароматом бананов?

– Васька, ну подожди, надо подумать. Они сказали, что позвонят через час. Мы можем им сказать...

– Чтобы они забрали своего друга и обратились в другую компанию. Конкуренты будут рады.

- Мне не смешно...
- А я смеюсь. Меня просто разбирает от хохота.
- Надо дождаться их звонка.
- Саша, ты в своем уме?
- Девки, сделайте что-нибудь, – пискнула Женька. Зрелище она представляла печальное.

Надо признать даже наш незванный гость в подвале выглядит лучше.

Сумерки крепили, наливаясь тяжелой свинцовой мутью. Не знаю, чем бы закончился наш разговор, если бы его не прервал звук приближающегося мотора. Трескуче звонкое жужжание завывало все громче и напористей, две яркие лепешки фар упрямо двигались на нас. Как по команде мы прикусили языки и ждали.

Все что происходило дальше, было похоже на переполох в царстве теней. В первую секунду, я лично испытала облегчение, когда дребезжащий узик с прямоугольной вывеской на боку «МИЛИЦИЯ» остановился возле нашей машины.

Немного удивила оперативность, ведь мы еще не успели набрать их номер. И все же, теперь хоть спору конец, но не конец удивлениям. Кульминацией моих чувств в этом направлении было явление нам покойника из подвала. Причем покойник благополучно передвигался на своих двоих и без посторонней помощи. Я замерла раскрыв рот. Милиции было как-то неестественно много, то тут, то там мелькали вооруженные тени, кто-то уже несколько минут о чем-то нас расспрашивал, но я не была в состоянии говорить. Ошибиться я не могла. Эта желтая с полосочками рубаша, золотая цепь на шее, брюки, да и в конце концов лицо, у меня фотографическая память на лица, совсем недавно это лицо рождало мысли о хрупкости нашей жизни, а сейчас оно сыто улыбается.

Но и на этом сюрпризы не закончились. И самым главным из них, было объяснение всему происходящему, а точнее результат этого объяснения. Невесть откуда явился Сашкин Матвей, я напрягла последние силы, вслушиваясь в то что, говорилось вокруг. Мужчина напротив нас, одетый в безвкусный костюм вот уже битых полчаса пытался выяснить, куда делось тело, и живо ли это тело. В ответ на этот вопрос я лишь тупо уставилась на обыскиваемого живого мертвеца около милицейской машины. Матвей, подошедший к нам и успокаивающе поглаживающий Сашку, весело сообщил следующее:

– Да это шутка. Просто мы решили разыграть девчат. Никаких тел, все живы здоровы, все в порядке, извините за беспокойство...

К тому моменту как у меня в голове начала обрисовываться картина всего произошедшего за этот вечер и когда, казалось бы милиционер должен был чертыхаясь оставить нас наедине для личных разбирательств, трудно предположить, чем бы они закончились, уж Женька-то точно не скоро сможет простить эту «невинную» шуточку мужу подруги, но произошло другое.

Резко и бесцеремонно наших горе-шутников скрутили, закинули в милицейский «джипик», один из милиционеров сел за руль джипа Матвея и через минуту все стихло. Остались только три обалдевшие бизнес-идiotки и милиционер в штацком. Как-то не так все должно было закончиться.

Глава 3

Оказалось, что зовут его Зубенин Сергей Анатольевич, должность у него оперативный уполномоченный, мужчина коренастый, подвижный, но на редкость упертый, о чем я не преминула ему сообщить, причем не один раз. Надо отдать должное, выпады мои он принимал спокойно с какой-то ввевшейся даже в его облик холодной готовностью, продолжая гнуть свое:

– У меня есть свидетели, что именно в здание вашего крематория привезли человека.

– И что? – Час разговора, девчонки измотаны, я сама уже на седьмом дыхании, но начинаю закипать, осталось последний раз взорваться и разлететься лоскутами измученного тела по всему ненавистному кабинету. За окном глубокая ночь, мы сидим в тесном кабинете, на «Петровке», куда сами и привезли нашего мучителя, после того как он два часа обнюхивал каждый угол в крематории и даже залез в печь. По дороге мы заехали к Сашке на квартиру проверить детей, уложили их спать и вот теперь сами отдали себя на растерзание.

– Все равно я найду его, но лучше, если вы сами все расскажете.

– Сколько раз можно рассказывать? – взвинчивается Сашка.

– С вами вообще разговор особый, – легко парирует Сергей Анатольевич. – Здание на вас оформлено, вы у нас как первый подозреваемый идете. Уж вам-то следовало бы быть поговорчивее. Ваши подруги, только свидетели... пока, во всяком случае...

– Васька, что он несет? – Сашка уже на грани истерики.

– Вы можете толком объяснить, – произношу я. – Что произошло? На сколько нам известно, ее муж, а ваш подозреваемый хотел разыграть нас и с друзьями изобразил, что нам привезли мертвеца для сожжения. Шутка глупая, возмутительная, но это всего лишь шутка. В чем здесь криминал?

– Часто вы занимаетесь подобными вещами? – спокойно развивает тему непробиваемый Сережа.

– Какими вещами, сжигаем мертвецов?

– Вот именно.

– Почина пока нет, и как-то хочется надеяться, что не будет...

– Хотите сказать, не жгли.

– Хочу сказать, что и не собираюсь.

– Зачем же вам крематорий?

– Мы думали это огромная микроволновка. – Я бешусь уже не на шутку. – Какое вам лично дело, что и зачем нам нужно?!

– Мне лично, никакого. А вот похищение человека – серьезное преступление...

– Мы не нуждаемся в юридической консультации. – Я глянула на Сашку, она смотрела на меня. Да уж, что-то магическое было в этом выражении про похищение человека и кажется мне все же придется таскать ей передачи. Вот только понять бы кого похитили. Ведь не станут они в самом деле искать покойника только со слов какого-то перепуганного азика Мехмана, почему-то я не сомневалась, что именно ему мы должны быть благодарны за чудный вечер на «Петровке». Должно быть какое-то официальное заявление о пропаже или хотя бы свидетели самого похищения. И я решила ударить прямо в лоб:

– Кого похитили? – изменившимся тоном, совершенно серьезно спросила я.

– Хотелось бы от вас это услышать, – спокойно, как ни в чем не бывало отбил Сережа.

– Вы что, идиот? – Я уже не была в силах сдерживаться. – Вы даже не знаете кого ищете?

– Я могу привлечь вас к ответственности за оскорбление должностного лица при исполнении. – Сережа кремень, но я уже не могу остановиться:

– А я могу вас привлечь за идиотизм при исполнении.

– Хотите ночевать в камере?

– Пока я ночую в этом кабинете.

– Да я, собственно говоря, вас не держу, – повел плечом оперативник. – Отпущу вас под подписку...

– А Матвей? – взвыла Сашка.

– А Матвей пока побудет здесь. Надо бы и вас задержать гражданочка, но иду на риск, у вас все же дети.

Я думала у Сашки будет истерика. До машины мы ее кое-как дотащили с Женькой, но о том, чтобы сесть за руль не было и речи. Мы просто уселись внутрь, надо было перевести дыхание, подумать.

Сашка оказалась настроена решительно, она не намеревалась уходить отсюда без мужа, решили, что я поеду к детям, Женька решила остаться с Сашкой, пожалуй, это было правильным решением. Мне отдали тысячу долларов, которые стали ненавистны Сашке, что ж можно понять, и я отправилась.

Дети мирно спали, я прошлась по широкой квартире. Сна не было ни в одном глазу, но я все же заставила себя прилечь на диван в гостиной, надо заставить себя отдохнуть. Сон налетел мгновенно, словно вихрь, стоило расслабиться и прикрыть глаза. Последней мыслью было, что Данька все же молодец. Я уснула.

Пробуждение налетело на меня вихрем Женькиной суеты. За окном уже во всю светило солнце, день был в разгаре. Долго я не могла понять, где нахожусь. Вокруг летала Женька, она была повсюду, выскакивала со всех неожиданных сторон, атакуя мой дремлющий мозг как иглами, короткими, бессвязными фразами. Но вернуть меня к жизни мог только душ и чашка кофе. Из ванной я вышла в Сашкином халате, упала на стул в столовой и сделала пару глотков обжигающего напитка. Женька кинула на стол пачку «Мальборо». Сознание постепенно стало возвращаться. Дети хаотично циркулировали по квартире, похоже Женька совершенно запугала их своей жаркой деятельностью. Пришлось самой ловить Даньку, чтобы наконец расцеловать и поздравить с грядущей поездкой.

Женька нетерпеливо ожидавшая, когда я буду в состоянии осмысленно общаться с ней, взвилась, утолкала детей в их комнату и вскоре вернувшись, налетела на меня фонтаном информации.

– Все очень плохо, – выдала она мне в лицо фразу, которая явно долго разрывала ее изнутри. Похоже, ей сразу стало легче. Я еще не была настроена на общение. Мне вообще было совершенно не по вкусу все, что происходило. У меня были планы, свои дела, выходные, наконец, которые хотелось провести на свой вкус, вместо этого я сижу в чужом халате, в неудобной, огромной квартире и пью противный, растворимый кофе. Когда я приду в норму, я, конечно, включусь в ситуацию, но пока меня все это откровенно раздражает и не больше. Женька повествует, ну что ж, пусть тараторит, на ответные реплики я пока не способна. Но Женька меня знает не первый день и она не настаивает на диалоге, пока ей достаточно того, что я готова впитывать новости, а новости были не особенно веселые:

– Ты подумай только, – подобно мопедному двигателю тараторила Женька. – Матвею собираются предъявлять обвинение в похищении человека. Уже было опознание, какой-то там свидетель видел, как он с друзьями запикивал к себе в машину кого-то и кто-то видел, как они тащили тело в наш крематорий. Сейчас машину забрали на экспертизу. Матвей вызвал своего адвоката, Сашка уже говорила с ним, но ничего толком не ясно, понятно только, что похитили этого кого-то совсем рядом с крематорием. Они совершенно уверены, что это был Матвей... Боже мой, по-моему его посадят, вот-вот, вроде после выходных ему предъявят обвинение и

все. Бедная Сашка, ты бы ее видела, она за одну ночь постарела лет на восемь. А ведь могут и ее посадить, ты же была с нами, слышала, он так и сказал. А что с Костиком будет... ой, что же это делается... – и она принялась кудяхтать, то и дело прокручивая свой рассказ в обе стороны. Докурив сигарету, я немного вернулась к жизни, глотнула кофе.

– Разберутся, – выдавила я из себя первое, на что была способна. Надо готовить завтрак детям, похоже, что Сашка на данный момент хозяйка никакая.

– Разберутся? – Женька чуть не грохнулась со стула, она надулась как воробей на морозе, хлопая ртом. – Да ты слышишь, что я тебе говорю? Даже адвокат ничего не говорит точно. Может и разберутся, но когда. Ты знаешь по сколько люди сидят в тюрьмах, пока наша доблестная милиция «разберется»? Может целый год, а то и два...

– По шутке и смех, – зло выдала я, допила кофе и пошла к раковине. – В следующий раз думать будет, что делает. Шутник.

– Ах, Васька, что ты говоришь? – Женька схватилась за сердце. – Его же посадят...

– У него времени много. Чем на глупые шутки его тратить, пусть лучше посидит, подумает. Кстати в тюрьмах родилось не мало хороших писателей.

– Вась, – слабеющим голосом пискнула Женька. В конце концов я взорвалась. Ненавижу, когда она играет страдальческие роли, особенно когда делает это для меня.

– А что собственно, тебя так волнует, – налетела я на нее. – Какой-то мужик, непонятно с какой стати разыгрывает для тебя комедию, от которой ты, – я ткнула пальцем ей в нос, – едва не стала зайкой! Да если бы его не поймали, я бы сама на него заявление написала. Кто я ему, подружка, девочка? Какое он имеет право со мной шуточки шутить. Я, между прочим, у него ничего не просила. Сыграл роль похитителя, вот и пусть дальше играет. Ты, как актриса, должна ценить доигранные до конца роли. А то ишь ты, перепугался, в тюрьму его посадили. Распищался.

– Злая ты Вась, – протянула Женька замогильным голосом. – Я, конечно, всегда знала, что вы Василиса Васильевна без огня в душе, но что так... Вот поэтому и мужа у тебя нет. Холодная ты. Как лед.

Я терпеливо выслушала тираду и ядовито буравя Женькины зрачки, прошипела:

– Я тебя сейчас ударю.

– Бей. – Она вскинула голову. Нет, никогда из нее не выбить это актерство.

Я вздохнула, оглядела плиту, заглянула в кастрюлю, сковородку. Еще горячие и завтрак и обед уже были готовы. Не зря Женька летала по квартире. Дети не останутся голодными. Я вновь подошла и села к столу. Достала сигарету.

Желтая от солнечного ада улица давила на глаза. Но в квартире было хорошо, работали кондиционеры, так не хотелось снова на жару.

– Что адвокат говорит? – спросила я. Женька расцвела мгновенно. Какого черта ей нужно именно мое участие? Впрочем это тянется еще со школы, чтобы они с Сашкой не напридумывали, во что бы не вляпались, я обязательно должна принять в этом участие. Это уже традиция. Попробуй отказаться и станешь предателем. Меня, конечно не особенно пугает ярлык предательства, я сама не знаю почему всегда с готовностью лезла в их авантюры. Сама виновата, что это стало традицией. Но они всегда, при первой сложности становятся такими дурами и ничто их не меняет. Ни время, ни возраст. А может это дружба? Хотя я последняя кто когда-либо поверит в подобное чувство между женщинами. Жалость? Не знаю. Дань традиции. Что делать, не знаю, но обязана что-то делать. И я, как всегда, буду что-то делать, хотя в данном случае это деланье, как никогда видится мне бесполезным. Ну, может хоть из обмороков буду вытаскивать двух этих...

– Адвокат что говорит? – Повторила я свой вопрос.

– Адвокат пытается устроить свидание Сашке с Матвеем.

– Зачем? – Удивилась я. – Уже соскучились?

– Васька, ты чего? – Женька, только что расцветавшая, осела на стуле. – Свидание...

– Надо поговорить с адвокатом, – оборвала я очередную грядущую ахиною. – И поехали посмотрим, как там Сашка. Она что, так там и дежурит?

– Да...

Данька с Костиком терзали новую игровую приставку, им было не до нас и наших наставлений, пришлось едва ли не силой тащить их в кухню кормить. Завтрак был закинут в желудки не прожеванным и мальчишки, заученно поблагодарив умотали обратно в комнату. Пожалуй можно было переходить к бессмысленной деятельности, но как же не хотелось лезть опять в уличное пекло. Я обречено вздохнула и пошла одеваться.

Сашку мы нашли легко, она сидела в небольшом ресторанчике в «Саду Эрмитаж», за столиком с ней сидел мужчина лет сорока, может чуть больше, элегантно одетый и как-то торопливо-проворный. Они разбирались с бумагами, Сашка и правда потускнела. Раньше она была сильней. Неужели замужество так ослабляет, ей что-то вешают, а она только кивает, наверное подсунь ей сейчас приговор о собственной смертной казни, она его подпишет не читая. Даже наше появление она восприняла с усталым равнодушием. Что ж, в конце концов она не спала целую ночь. Нас приветствовал мужчина, оказавшийся Звездиным Алексеем Михайловичем, адвокатом Матвея. Высокий, статный мужчина с крупными, правильными чертами лица, аккуратно подстриженный и вообще, явно следящий за своей внешностью. Оставалось надеяться, что также пунктуально он следит и за делами, которые ведет.

– Хорошо, что вы приехали, – галантно усаживая нас к столу, произнес Звездин. – Александре Викторовне не помешает поддержка.

– В первую очередь, – не заставила я себя ждать, – ей не помешает если ее мужа выпустят из тюрьмы.

– Конечно, – Звездин заулыбался, усаживаясь на свое место. Пробить его броню не просто. – Только он пока не в тюрьме. Он пока во временном изоляторе. До тюрьмы, я думаю, дело не дойдет.

– Алексей Михайлович один из лучших адвокатов в городе, – вклинилась ни к селу, ни к городу Сашка, наверное испугалась, что я своим тоном перепугаю спасителя и он откажет в своих услугах.

– В голосе лучшего адвоката, я не наблюдаю уверенности, – легко парировала я. Наша короткая перепалка явно веселила адвоката.

– Отнюдь, – широко улыбнулся он. – Матвея Геннадьевича я вытащу, в этом нет сомнений. Сложность заключается в том, что задержание бизнесмена подобного уровня чревато побочными осложнениями. В какой-то мере такое дело можно считать даже политическим. Тут много нюансов.

– В чем же они заключаются? – спросила я. Меня он не собьет набором дежурных фраз.

– Во многом, – Звездин посмотрел поочередно на нас с Сашкой и видимо пришел к выводу, что стоит выдать некоторое количество секретов. Но он хорошо владел собой и было ясно, что того, что он не считает возможным выбалтывать, из него не вытянешь. Впрочем мне и не нужны были секретные тонкости. Хотелось понять основную картину происходящего.

Звездин продолжил:

– Видите ли. Это задержание можно отнести к тем, о которых потом жалеют все, не исключая оперативников и следователей прокуратуры. Это головная боль, но и обратно не повернешь. На сегодняшний день похищение человека стало чем-то повседневным, едва ли не обыденным. Как результат, директива об усилении борьбы именно в этом направлении. Так уж всегда у нас бывает, перекося очередной. Но каждое подобное дело теперь на особом контроле, а значит если не виноват задержанный, то виноваты все кто причастен к этому делу. Тут как на войне, или ты или тебя. Был бы Матвей Геннадьевич каким-нибудь бомжем или имей он криминальное прошлое, его бы посадили обязательно, но в данном случае, они понимают, что

он будет добиваться справедливости и поэтому нам будут совать палки в колеса с двойным усердием...

– Зачем, если он все равно добьется справедливости, как вы сказали? – Я закурила сигарету.

– Им нужно время. Для них сейчас главное оформить арест, а потом стандартная перетасовка кадров и дело в шляпе. Ищи потом виновных. Но арест для Матвея Геннадьевича неприемлем, он ведет не криминальный бизнес, а значит колоссальные потери и отток клиентуры. Опера тоже это понимают.

– Но на каком основании его вообще держат?

– Очень сложно хоть чего-то от них добиться. Я же говорю, они старательно морочат голову. Я встретиться ни с кем не могу. Насколько понимаю у них есть пара свидетелей, которые опознали машину Матвея Геннадьевича, как машину на которой произошло похищение. Еще я знаю, что похищение произошло в непосредственной близости от того места, куда похищенного привезли, на что у них есть еще один свидетель.

– Я даже знаю кто, – кивнула я.

– Это практически все. Прижимают информацию.

– Но вы же адвокат.

– И что? Его не допрашивают, обвинения не предъявляют, меня избегают. Они профессионально тянут время.

– А вы профессионально ничего не делаете, – подытожила я.

– К сожалению реальность такова, – принялся он было поливать меня успокоительным бальзамом, но мне это не нужно. Пусть свои речи оставит для клиентов и судей. Я прервала его:

– Раз они его держат, значит есть дело. Какой-то человек пропал или для обвинения в похищении это не нужно?

– Не владею информацией.

– А что говорит свидетель самого похищения?

– Свидетеля они нам не дадут, это...

– Не надо ничего давать или брать, надо поговорить со свидетелем.

– У них все дело на этом свидетеле держится, они ни за что...

– Да мне они вообще не интересны. А что если вообще похищения не было, что если это вообще шутка чья-то... да вообще, что угодно, – у меня не хватало слов, чтобы выразить свое отношение к этому абсурду.

– До ареста они на попятную не пойдут в любом случае, для них это равноценно увольнению по собственному желанию.

– Прекрасно, – я нервно раздавила окурков в пепельнице. – Что ж. – Я встала. – Поехали искать свидетеля.

Первый раз на лице адвоката появились не заученные и притертые эмоции, а самое что ни на есть искреннее изумление, он растерялся и не знал что сказать, но быстро взял себя в руки и криво усмехнувшись, ласково прошелестел:

– Ни в коем случае. Это могут расценить, как попытку оказать давление...

Но мне не было интересно вкушать очередную словесную кашу. Ни в чем не повинного человека держат за решеткой, а этот самодовольный щеголь, вместо того, чтобы самому что-нибудь делать, сидит и повествует как это все нормально. Кого он вообще защищает?

– Поехали, – я выжидательно смотрела на Сашку, хотя и поняла практически сразу, что она нам компанию не составит.

– Вася, действительно... – начала было она глядя то на меня, то на адвоката. Но я не стала ждать отрицательного ответа, взяла Женю за руку и потащила за собой. Хорошо хоть эта не стала дергаться, иначе я точно плюнула бы на всю эту историю и поехала обратно.

Я бессовестно тратила чужие деньги, не испытывая при этом ни малейшего раскаяния. Я поймала машину и на вопрос веселого водителя:

– «Куда такие красивые хотят?» – коротко ответила: – «На кладбище».

И вновь мы на уже знакомом пустыре. Теперь я огляделась более внимательно. Женька мучавшая меня бессмысленными приставаниями наконец уgomонилась и теперь покорно ждет распоряжений. Я не заставила себя ждать. Непосредственная близость от крематория это кладбище, вот туда я и собиралась направиться в первую очередь.

– Теперь слушай, – повернулась к мнущейся на пыльной грунтовке Женьке. – Мы сейчас спрашиваем местного народца, и самое главное, мы должны выглядеть внушительно. Понятно?

– Нет, – с готовностью ответила Женька.

– Хорошо. – У меня не было желания вступать в долгую дискуссию, тем более что я и сама-то не очень представляла себе что именно делать и как себя вести. Решительным шагом я направилась к небольшому строению у ворот кладбища. Дверь на стук открылась не сразу. На пороге стоял мужчина лет пятидесяти одерживающий сокрушительные поражения в боях с зеленым змием. Но в данный момент он похоже был трезв, хотя здоровым его вид назвать было не возможно.

– Вы сторож? – Жестко поинтересовалась я.

– Ну. – Выдохнул мужчина не особенно приветливо.

– Что вы можете сообщить по поводу ночного события? – Я форсировала как могла. Такой если уж пошлет подальше, то снова разговорить его будет трудно.

– Какого события? – Он недовольно свел брови.

– У вас тут человека похитили! – повысила я голос.

– Похитили? – Он стушевался, это уже небольшая победа, осталось только закрепить успех.

– Этой ночью здесь похитили человека. Я вас слушаю.

– А вы кто? – Задал он совершенно лишний вопрос, и я совершенно излишне смолкла. А что ему ответить. Правду? Слишком долго. Соврать? А что именно, не милицией же прикидываться двум расфуфыренным курицам. Ну я бы еще может и потянула со своим платьем и рубашкой, а вот Женька в своем скошенном платье... да и документы же надо показывать в таких случаях. Я решила просто набрать обороты.

– Я вас слушаю, – сквозь зубы прошипела я. – Сколько их было, как они выглядели...

– Кто?

– Похитители.

– А с какого участка утащили? – постепенно начал растормаживаться сторож. Я не давала ему передышки:

– Вам лучше быстрее соображать. Если с ним что-нибудь случится, вы можете оказаться соучастником.

– А что с ним может случиться? – решил поразить меня своей тупостью сторож.

Но я не прекращала атаки, решив не останавливаться, пока не мелькнет хоть какая-то информация.

– Его жизни угрожает опасность, вы хоть это понимаете?

Судя по тому как захлопал глазами сторож, не понимал.

– Чьей жизни? – поперхнувшись выдавил он.

– Похищенного.

– Вы имеете в виду, что его повредят, что ли?

– Да, именно! – Выпала я и вдруг, как озарение на меня снизошло, что мы говорим о разных вещах. Но и это не мало. Одно точно, сторож ничего не знает. А следовательно похи-

щение произошло не на кладбище, иначе сыщики уже наведались бы сюда. Ну что же. Пока и на этом спасибо.

– Ну он-то жаловаться не будет, разве родственники, – бормотал сбитый с толку сторож. – А вообще у нас такого раньше не было. Вандалы что ли какие-то, или сувращенцы, да у нас и ворота ночью закрыты...

Я не стала слушать продолжения, решительно развернулась и пошла прочь. Женька засемена следом.

– Так, что мы имеем? – принялась я рассуждать вслух.

– Что?

– А вот что. – Я смотрела на виднеющиеся за пустырем ангары. – Это склады. И если похищение было не на кладбище, а оно было не на кладбище...

– А почему не на кладбище?

– Потому что на кладбище во-первых много свидетелей, во-вторых туда люди ходят достаточно спонтанно, ни как на работу. Если не считать тех, кто там поселился.

– Кто поселился на кладбище?

– Ну, кто поселился, тех не похищают. В самом крайнем случае утаскивают, но и это редко, как нам поведал сторож.

– Ой, Васька, я вообще ничего не понимаю, – принялась канючить Женька. – Говори яснее. Мы уже что-то выяснили?

– Возможно. – Я помолчала. Солнце успело прилично вытопить из меня силы. – Скажи, Жень, если бы тебе надо было кого-нибудь похитить, где бы ты это сделала?

– Я? – Женька заморгала глазами. – Я не знаю. Я не пробовала.

– Ты бы похитила его из дома, ну дождалась у подъезда и хватъ.

– А, да, точно. Я бы его у подъезда прямо схватила и прямо в машину его, с черными стеклами. Или знаешь, в такую...

– Нет, Женька, у тебя джип.

– У меня джип?

– Если бы у тебя был джип. – Я улыбнулась. Пока мой ход мыслей меня устраивал. – Вот именно, Жень, у тебя джип, а тот, кого надо похитить работает в уединенном месте за окружной дорогой, где и милиции-то нет. Понимаешь?

– Да, то есть нет...

Я торопливо засемила в сторону ангаров. Одно мне не давало покоя. Сегодня суббота, выходной и значит наш шанс найти свидетеля уменьшается. Остается надеяться на сторожей. На складах должны быть сторожа.

Ангары стояли хаотично, но дороги к ним ведущие, разбитые колесами сотен тяжелых грузовиков были всего две. Одна и, отходящая от нее перпендикулярно, вторая. Вдоль второй, сплошь высились ворота к отдельным территориям, по несколько ангаров на каждой. Первая же дорога, в начале была пуста, схваченная с двух сторон бетонными заборами и только после пересечения со второй, оживала множеством ворот. Если здесь кого-то и хватали, то именно на промежутке с глухими заборами. Здесь если кто-то и мог что-то увидеть, то либо проезжающий вдоль пустыря водитель, либо идущей этой же дорогой к остановке автобуса прохожий. Я, некоторое время крутила головой, потом посмотрела на усталую Женьку.

– Ну и что ты думаешь?

– Я? – она перевела дух. – Не знаю.

– Так где бы ты похитила человека. Если он работает за городом в безлюдном месте?

– В таком как здесь?

– Именно в таком.

– Я бы его похитила здесь.

– А если бы он сопротивлялся? Ведь он же не хотел, чтобы его похитили.

– А я бы тогда его, – Женька сжала тонкий кулачок. – Я бы его так... по башке, легонько. – Она смутилась под моим пристальным взглядом, но я вдруг широко улыбнулась.

– Точно, и схватив его за шкуру, прямо бац, и в машину. Можно даже без черных стекол, ведь здесь нет ни милиции, ни свидетелей.

– Ну, да...

– Но, так как ты у нас Женька, девушка сильная, то воротник у рубашки ты бы ему, конечно, оторвала.

– Ну-у, – совсем уже неуверенно протянула Женька. – Если он был бы в рубашке...

– Был, Женя, был. В серой рубашке и воротник ты ему оторвала.

– Я ничего не рвала, – надула губы Женька, не способная уловить мою мысль. Я не стала долго ее мучить, а просто наклонилась и подняла с земли серый, вырванный с куском рукава воротник. Тряхнула. На нем почти не было пыли.

– В рабочие дни здесь много машин, – довольно улыбнулась я.

– Васька, – всплеснула руками Женька и принялась описывать вокруг находки таинственные па, словно поп перед мироточащей иконой. – Васька, ты... мы!.. Не зря мы приехали сюда. И что теперь? Мы нашли доказательства невиновности Матвея?

– Пока нет. Но мы теперь знаем, где произошло похищение, если оно вообще было.

– Как это вообще было?.. – Изумилась Женька, но я не стала развивать тему, а сказала внимательно глядя ей в глаза, сама еще не до конца проанализировав свое последнее наблюдение:

– Здесь ведь тихое место.

– Да, – торопливо кивнула Женька.

– Никаких случайных свидетелей.

– Безлюдно. Удобное место.

– Просто идеальное.

– Ну... да, – Женька начала ощущать подвох.

– А в идеальном месте, – я кивнула своим мыслям. – В идеальном месте можно потерять бдительность. Они боялись свидетелей, смотрели во все глаза ища случайных... кого?

– Кого?

– Свидетелей. – Я улыбнулась. – Остается надеяться, что она работает на запись.

– Кто? – Женька совершенно растерялась и вновь начала надуваться.

– Стереотипы. – Я ликовала от предвкушения удачи. – Человек видит лишь то, что хочет увидеть, к чему привык, на что настроен.

– Да? – она начала злиться.

– Скажи-ка мне, Женьк, – упиваясь своей победой, изрекла я. – Кто лучший свидетель. Самый надежный, идеальный, неусыпный. Кто может сейчас быть здесь. Кто может сейчас быть рядом с нами, а мы его даже не видим. У?

– Ну и кто?

– Ты скажи.

– Я не знаю.

Я вновь улыбнулась и, не став дальше мучить растерянную подругу, ткнула пальцем наискосок от перекрестка, туда, где зеленым прямоугольником возвышались железные ворота. Женька нетерпеливо повернула голову.

– Что там?

– Неужели не видишь?

– Ворота?

– Выше.

– Ангар, – она пожала плечами.

– Ну, выше, под самой крышей.

- Что там? – Женька напрягла зрение. – Коробка какая-то.
- Это камера. У нас в институте сейчас таких полным полно повешали. Охранная система.
- Да ты что... – До Женьки начало доходить. – И ты думаешь...
- Я не знаю. Я еще точно не поняла, но это хорошо. Это точно хорошо.
- А если она не работает?
- Вполне возможно, – легко согласилась я. – Она может не работать, может быть настроена так, что мы не попадаем в объектив, я не знаю. Одно точно, у нас кроме воротника есть еще что-то.
- Ну-у... наверное, – совершенно неуверенно согласилась Женька.
- Теперь последнее, – я перевела дыхание. Солнце стремительно испепеляло мои силы. – Если похищенный шел отсюда или сюда, значит о нем кто-то должен знать. Так мы сможем выяснить его имя.
- И Матвея отпустят?
- Нет, – покачала я головой. – Но, возможно, мы сможем выяснить, зачем кому-то похищать человека, который ходит пешком. А значит, не богатого человека. Богатые здесь не ходят.

Глава 4

Итак, на данный момент у меня три важных дела. Первое: дети одни. Второе: пить хочется. Третье: жара невыносимая.

Закончить со всем этим для меня превратилось в вопрос выживания. Вряд ли я скоро смогу простить подружкам свои изуродованные выходные, давно не было такой пытки. Я уже пру напролом, нет сил даже лишний раз подумать. Я просто выясняю кого похитили. Как это сделать? Не важно. Есть Михман, где-то здесь его склад, а у нас есть номер его телефона. Созвонились с Сашкой, узнали номер. Я уже не шучу и не размышляю, отдаю команды. Женьке – телефон и задание: «Михман должен быть здесь». Что ж, талант. Она видит в каком я состоянии, берет себя в руки, не косит, не прикидывается дурочкой. Я злая, а она не хочет, чтобы я сорвалась на ней. Результат: Женьку не узнать. Даже в том состоянии я оценила уровень мастерства, который достигла подруга за годы профессионального лицедейства. Голос, выражение, даже внешне, она миг меняется и вот передо мной уже не хрупкая зануда Женька, а сильная, грубоватая натура, торгашки с размахом. У нее есть огромная машина полная портящегося товара, она приехала к первым попавшимся в поле зрения складам и теперь названивает владельцам, нервно, торопливо предлагая свой товар. Она, конечно, не говорит об этом, да и звонит одному лишь Михману, но весь ее вид, голос, напор... все есть между слов. Поразительно, но талант у Женьки конечно есть. Она отключилась раньше, чем собеседник успел что-либо пробормотать в ответ. Этого достаточно. Даже если он попытается что-либо выяснить через сторожа и позвонив узнает, что здесь поблизости никаких заметных грузовиков не крутится, что он сделает? Что в нем сработает, здравый смысл или торговый инстинкт? Это следовало нам узнать. Благо ждать не пришлось долго. Торопливо припрыгивал с ноги на ногу, крутя по сторонам головой, явился сам. А большего мне и не нужно. Сейчас он от меня не вырвется. И плевать я хотела на всякие там давления на свидетелей. Если и есть какое-то давление сегодня, то это давление на меня. А это единственное чего я не выношу едва ли не больше, чем жару.

Итак, Михман плыл нам прямо в руки. Маленький, круглый, растерянный, он едва не позеленел, уткнувшись взглядом в двух надвигающихся на него шипящих, выпустивших когти и зубы кошек-оборотней. И он был не далек от истины. Возможно он заблуждался в первопричинах, но по поводу нашей искренней, горячей жажды он был прав. Он причина всех наших злоключений и плевать мне на то, что думается в его круглой, плешивой головушке, я либо узнаю имя похищенного, либо откушу эту перепуганную, хитрую голову, или и то и другое. Что-то уже ничего не соображаю. Нет, надо первое. Взять себя в руки!

– Кого похитили? – рыкнула я, подходя вплотную к начавшему пятиться торгашу.

– Нычего нэ знаю, нычего нэ выдел... – забулькал Михман, наткнувшись спиной на преградившую путь к отступлению Женьку. – Зачём похытыл, нычего нэ знаю.

– Кого похитили здесь? – Продолжала наступать я.

– Сам знаишь, – взвизгнул Михман.

– Ты его знаешь?

– Нычего нэ знаю...

– Не врать! – Я сжала кулаки. Еще секунда и я отдалась бы единственному наслаждению расцарапать ему все его лоснящееся лицо, уши, выдернуть последние черные волосы, тоскливо обрамляющие блестящую лысину, но Миша тонкая натура, способная уловить когда настает момент истины и его рефлекс сработал как часы: Миша заулыбался и замахал руками. Я всегда говорила, нет мужчины, который устоит против разъяренной женщины. А уж если женщин две и они злы по-настоящему, брызжут ядом, а мужчина один и он перепуганный маленький гость столицы, да еще хоть и косвенно, но влипший в неприятную историю...

– Слушай, я нэ знаю, это ваши дэла... – усердно хихикал Миша.

– Ты влез в наши дела, – продолжала я шипеть ему прямо в толстый нос. – У меня подруга журналистка и я клянусь тебе, завтра же все газеты будут сверкать твоими фотографиями на фоне наших холодильников. Весь город узнает, где ты хранишь свой товар. У тебя больше никто и никогда ничего не купит. А к этому еще ревизии начнутся с проверками, так что готовь документы на все торговые сделки за последний год. Ты станешь козлом отпущения.

Не знаю, что он из всего мною извергнутого понял, но уверена, что смысл он уловил, и хотя первая его фраза:

– Кто казал, я казал? – говорила о тяжелейшей форме слабоумия, по его глазам я видела, что эффект есть и эффект нужный. Пара-тройка знакомых слов, помимо козла, прозвучала и цену этим словам он знал. А впрочем, я думаю, он понял все, умеют, конечно, эти милые смуглые граждане играть в дураков, но считать их таковыми, это самому таковым и быть. Михман поясничал, я терпеливо ждала. Когда же, под звуки все еще склоняемого несчастного, ни в чем не повинного животного, мое терпение через пару секунд лопнуло, я повернулась к Женьке.

– Звони Сашке, пусть свяжется с какой-нибудь мобильной группой, работающей сейчас в городе и гонит их сюда. Начнем с холодильника.

– Зачэм группа, слушай, зачэм холодыльник... – еще усерднее принялся натужно веселиться Миша. – Я бэдный чэловэк, я работаю, у мэна сэмя. Слушай, зачэм журналист... Я нэ знаю ничаго...

– Кого украли? – Жестко напомнила я свой вопрос. Надо отдать должное Женьке, она честно отыгрывала свою роль, возясь с телефоном.

– Кого украли, зачэм украли, – Миша так разволновался и размахался руками, что казалось еще секунда и он просто рассыплется. Болтаясь весь как на шарнирах, он вдруг, стоило Женьке сказать в трубку – «Алло», замер, пару раз хлопнул глазами и сообщил:

– Я его даже нэ знаю...

– Фамилия. Имя. Отчество!

– Слушай...

Я посмотрела на Женьку, Миша спохватился.

– Слушай. Витя его зовут, вродэ...

– Женя, давай группу.

– Да, да, Витя, точно. Но больше...

– Алло, привет Саш, – вдруг громко затараторила Женька, как если бы ей приходилось докрикиваться до собеседника сквозь шум и треск отвратительной связи. От неожиданности даже я сбилась с мысли и замолчала. – Да-да, я, – продолжала громогласно солировать Женька. – Привет, привет. Слушай, у меня к тебе просьба есть. Да... тут такое, ты закачаешься. У тебя свободные группы есть? Ну-ну, а у меня сенсация есть. Угадай с трех раз, где хранят фрукты, которые ты потом покупаешь на рынке...

– Топоров! – Завопил Миша. – Топоров его фамилия, я вспомнил. Дмытырьевич Витя. Нэ надо тэлыфон, а-а!..

– Жень, – Я махнула ей рукой.

– Подожди, Саш, – Женька убрала телефон от уха и выжидательно посмотрела на Мишу, тот был бледен, на сколько позволяла смуглая, загорелая кожа, точнее он пошел блеклыми пятнами и затрясся.

– Топоров его фамылья. Грузчыком он здэс, на складэ, – Миша махнул рукой вдоль дороги. – Мыльцыя ходыла, все уже выяснылы. Спросьты у них. Я малынкый чэловэк, у мэна сэмя, нэ надо группа...

Женька коротко простилась с виртуальной Сашкой и спрятала телефон. Я строго посмотрела на Мишу. Он был жалок, весь его вид говорил сколь бесчеловечно с ним обошлись и только самое бессовестное и жестокое существо могло бы позволить себе еще хоть малейшую

выходку над этим пятнистым, трясущимся, едва не плачущим, толстоносим несчастьем. Не думаю, что я способна быть очень жестокой, но на жаре я превращаюсь в уголь, мои внутренности кипят, я яичница глазунья с двумя коричневыми желтками на курносой клокочущей голове. Ничего я не знаю и не хочу. Программа минимум не закончена, а без нее не будет спасительной тени и тишины квартирному уюту. Для завершения программы мне нужен Миша. Все.

– Чьи это ворота? – Я показала на зеленую громаду. Миша было задумался над уровнем секретности требуемой информации, я сразу выложила необходимый план действий:

– Надо попасть на территорию и обсудить кое-что с начальством. Пошли.

Я уже совершенно ничего не соображала и не сразу поняла, почему мы легко оказались на территории. За весь день первое везение. Миша оказался одним из арендаторов именно этих складов. Когда усилием воли я привела себя в чувство, похоже это последний всплеск сознания, рассмотрела крутящегося рядом сторожа, Миша тархтел бесполезные факты своей биографии, Женька мялась с ноги на ногу, похоже жара уже начала донимать и ее, как же тогда я еще жива?

– Так, – выдала я, пока способна, что-либо выдавать. – Камера работает? – ткнула пальцем.

– Нэт, – переключился на меня Миша.

– Очень плохо. – Я повернулась к Женьке. – Звони Сашке.

– Э... – Осекся Миша и стал торопливо покрываться пятнами.

– Нет, давай я сама. – Я взяла у нее телефон.

– А... о... э... слушай... э... да... – Миша порхал вокруг меня как майская бабочка.

– Я архитектор-строитель. – Метнула на него испепеляющий взгляд, благо огня во мне сейчас предостаточно. – Не вижу огнетушителей. С противопожарной безопасностью у вас как?

– У мэнэ?

– У тэбэ. – Щелкнула я зубами, в это время ответила Сашка. – Сань, нужна твоя помощь.

– Какой помощь? – Подпрыгнул Миша.

– Огнетушитель, – напомнила я.

– Огнетушитель? – не поняла Сашка. – Вы что там, совсем сдурели. Что происходит? Женька несла какую-то ахинею. Что происходит? С вами все в порядке?

– Ты звонила Сашке? – я вытаращила глаза на Женьку.

– Он звонил, – ябедническим голосом взвизгнул Миша.

– Случайно набрала, – Женька смутилась. – А что оставалось делать. Она там не сильно испугалась?

– Он жаловался на наш холодильник, – продолжал снабжать меня информацией Миша, вдруг решивший, что я полная идиотка и не помню разговора состоявшегося десять минут назад, мной же инициированного.

– Огнетушитель, – окрысилась я. – И план эвакуации.

– Какой план? – нервно вскрикнула Сашка. – Что там у вас происходит? Вы где? Про какую группу говорила Женька? Ничего не понимаю.

– Про мобильную группу.

– Ой, – хихикнула Женька. – Скажи ей, ха-ха, ой, не могу, что она подумала...

– Нам нужна мобильная группа для репортажа, – сказала я.

Женька поперхнулась, Миша крякнул, изогнулся, заскрипел как старая калитка и вывернув голову, взорвался на сторожа:

– Огнетушитель гдэ?!

– План эвакуации, – добавила я. – Песок, багор, гидрант и спасательные жилеты... – тут я явно перегнула и хотя никто не заметил ошибки, торопливо исправилась: – Противогазы.

Миша потух, как свечка, открыл рот, разинул глаза, надулся, так, что красноватые шары полезли наружу.

Сашка на том конце трагично смолкла.

– У нас тут небольшая ревизия, – объяснила я. – Пока думаем вызывать ли центральную или обойдемся своими силами.

– Своими, дарогой, – взвыл Миша.

– Саш, что сразу попадет в новости? – вернулась я к основному предмету беседы. – Криминальные там сводки какие-нибудь... мне нужна бригада, которая этим занимается.

– Вась, тыsuma сошла, – замогильным шепотом произнесла Сашка. – Ты сейчас на солнце стоишь? Немедленно уйди в тень...

– Нужно срочно, Саш, – оборвала я ее причитания. – И сама приезжай...

– Вась...

– Кому это нужно, в конце концов! – Мой нервный потенциал уже давно заваливался за минусовые коэффициенты. – Срочно сюда с бригадой...

– Куда сюда? И где я тебе найду рабочую...

– Где хочешь, меня это не интересует. Напоминаю, у тебя нет времени. У нас в запасе только выходные, значит репортаж надо не только сделать за это время, но и чтобы он прозвучал в эфире. Тебе ясно?! Мы ждем тебя возле твоей печки...

– Ой, девки, – вновь запричитала Сашка. – Не то вы что-то затеяли. Звездин говорит...

– Или ты здесь, – прошипела я сквозь зубы. – Или...

– Ну, Вась! – По-моему она уже чуть не плавала. Но мне это было все равно. Хочет чтобы я была мягкой и добродушной, пусть выключит солнце. Я просто отключила телефон. Надо было видеть творившуюся... нет, точнее будет сказать: замершую вокруг меня картину. Что сторож, мнущийся с ноги на ногу с зажатым в руках старым, ржавым огнетушителем, что Миша, забывший захлопнуть пасть.

Даже Женька выпала из числа моих напарниц, заняв место в рядах удивленных. Никто ничего не понимал, все, по-своему были в ужасе, все молчали и ждали новых сюрпризов.

– Пошли, – распорядилась я, глядя на Женьку, повернула голову к Мише. – проверьте огнетушитель и никуда не уходите. Сегодня вы еще понадобится, мы пойдем встречать группу.

– Зачем группу... – вяло, неуверенно завыл повелитель мертвых бананов и главный виновник испорченных выходных. – Давай поговорим, договорим...

– Так, – добавила я на прощание, адресуясь к Женьке. – Вы видели, присутствовала и попытка дать взятку.

– Э, нэт, зачэм, да... – Миша запрыгал вокруг.

– Все на лицо, – подытожила я. – И давление оказывается, все, как обычно...

И мы ушли, оставив отдувающегося, растерянного Мишу в терзающих лапах сомнений. Не скажу, что на душе, и уж точно в теле, стало легче, но сам процесс отмищения оставил отпечаток сделанного, важного дела. Женька еле дождалась, чтобы мы отошли от ворот, оставшись наедине.

– Васька, я ничего не поняла, – принялась атаковать мои уши. – Что мы сделали, зачем огнетушитель, ты что, серьезно про группу, что сказала Сашка?..

Ее вопросы сыпались градом, молотя по вискам тяжеленными молотками. Но у меня не было сил не только говорить или думать, я шла уже на автопилоте. Женька все тархтела, катаясь уже внутри моего черепа свинцовым шаром. Задушить ее тоже не было сил. Мы шли, и я даже не знала куда. Конечно же я не питала иллюзий по поводу Сашки. Она сейчас свяжется со Звездиным, он ей что-нибудь скажет, она поймет и на этом все. Так что, я сразу выкинула из головы даже возможность развития событий по придуманному мной плану. Как и уже много лет на работе в «ГИПРОМЕТе», я просто сделала свою работу и меня мало интересует будет ли принят созданный проект или нет. Моя работа закончена, и я еду домой.

И почему всегда так получается. Именно когда планов не строишь, они наваливаются самыми грандиозными, непобедимыми валунами. Если сама планируешь что-то, то реальность потом оказывается едва ли не маленьким, повседневным событием, как бы не возводила ты ее в своей голове заранее. Но вот стоит отвлечься, привыкнуть к размеренности, расслабиться... вот тут-то и поджидают катаклизмы.

К тому моменту, как я оказалась в Сашкиной квартире, сил уже не было даже двигаться. И даже встретившие меня мальчишки поняли, до какого состояния докатилась мама-тетя Василиса. Они и накормили и готовы были пожертвовать телевизором с захватившей обоих игрой, но тут уж я, со своей стороны проявила благородство и решительно отказалась. Хотелось потискать ставшего уже таким большим Даню, но (и тут уже было место истинному благородству, хотя этого он конечно не оценил и не понял) я отпустила ребят обратно в объятия виртуальной потехи. И как у меня получился такой здоровский мальчишка? Может мне его в живот кто-то подбросил? Нет, то есть можно конечно сказать и так, но... Он высокий, стройный и ведь у него красивое, по-настоящему художественно чистое и даже благородное личико. Он умный, не напускно, а где-то очень по-настоящему, где-то внутри очень деловитый.

Нет, ну я, конечно, женщина обаятельная, может даже и красивая и не полная идиотка вроде бы, но у меня это все скучно, лениво как-то. А может я сегодня все же пережарилась, и теперь лезут дурацкие мысли. Словно высохшие, покрывшиеся трещинами засухи мозги, вкусив прохлады кондиционера, нервно, судорожно принялись набирать обороты.

Связности еще нет, но мысли уже появились. Только сейчас я вспомнила, что Женька сбежала от меня еще в метро. Мозг настолько одеревенел, что я и не заметила как и при каких обстоятельствах прекратилась барабанная дробь ее болтовни. Надо ускорить процесс восстановления, самое лучшее упасть в ванну и ничего, никого не слышать. Я встала, прошла в комнату. Мальчишки уткнулись носами в телевизор, где происходило какое-то сражение забавных человечков. Все-таки я не удержалась и обхватила Даньку сзади. По его реакции стало понятно, что это напрямую отразилось на результатах сражения в экране. Данька стал выкручиваться и нетерпеливо прокуксил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.